

ВАРЛОРД ВРАТА ТАРТАРА

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Варлорд

Алекс Делаacruz

Варлорд. Врата Тартара

«Автор»

2021

Делакруз А.

Варлорд. Врата Тартара / А. Делакруз — «Автор»,
2021 — (Варлорд)

Третья книга саги о варлорде Артуре Волкове. Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2020 году высокотехнологичные армии корпораций спорят за мировое господство с владеющими магией аристократами. Там ему было тридцать пять. Здесь нет и пятнадцати, зато проблем на все сто – ненависть неожиданных родственников, перечеркнутый бастардной перевязью герб, презрение окружающих и запретный дар, применение которого грозит смертной казнью. Книга содержит нецензурную брань

© Делакруз А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алекс Делаacruz

Варлорд. Врата Тартара

* * *

Глава 1

– Не бойся. У тебя теперь есть семья, – произнес я, с трудом сохранив ровный голос. Очень неожиданное признание. Причем в первую очередь для самого себя.

Зоряна тоже равнодушной не осталась. Словно онемев, она изумленно смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Напоследок ободряюще сжав плечо девушки, я оглянулся и нашел взглядом контейнер с экипировкой. После касания ладонью биометрического замка крышка с легким шипением поднялась, открывая внутренности. Я принялся торопливо облачаться в доспехи – опять выбиваюсь из графика которое уже утро.

Одним движением застегнул контактный комбинезон, далее последовали поножи и сапоги, наручи и кираса, наплечники, горжет. Перестуком хлопнул по защелкам, после чего доспех превратился в единое целое. Далее вогнал на места штыри аккумуляторов. По сравнению со вчерашним днем, когда только знакомился с комплектом экипировки «Шевалье», получалось гораздо более споро.

Зоряна вчера меня в доспехе не видела, так что сегодня наблюдала с нескрываемым интересом. Ее удивление понятно – подобная броня не только невероятно дорогая, но и статусная. Просто так даже человек высокого положения получить не может. Так что это была одна из многих мелочей, которые еще раз доказывали девушке, что она невероятным образом переместилась со дна мира в небесную обитель. Причем буквально, где сейчас находится в окружении полубогов.

– Никто. И никогда. Не сможет вернуть тебя обратно в клоаку, из которой мы выбрались. И никто и никогда не сможет без боязни для здоровья позволить себе насмеяться над тобой или твоим прошлым, – абсолютно серьезно произнес я для того, чтобы не оставалось никаких недоговоренностей.

Голос мой из-под закрывающей лицо полумаски звучал глухо, но Зоряна слышала и поняла. Осознав, о чем речь, девушка вздрогнула – потому что я очень тонко нащупал именно те струны души, которые необходимо было затронуть. Попадание было настолько точным, что Зоряна обмякла, закрывая лицо руками и борясь с непослушными слезами.

Но я на нее больше не смотрел. Выделенное на «семейные» дела время давно закончилось, и уже опаздываю в графике тренировки. Так что достал из контейнера шлем и аккуратно водрузил на голову.

Звучно щелкнули пазы, на миг стало темно, отчетливо громко послышалось собственное дыхание. Словно тяжелое ведро на голову себе надел, забрало ведь полностью глухое. Но всего секунда, пока надбровные дуги потянуло подстраивающимся визором, а после короткого зуммера собственное громкое дыхание слышать перестал. Зато звуки окружающего мира раздались необычайно четко.

Сразу после вокруг снова стало светло. И кроме картинki происходящего, перед глазами возникли сразу несколько уровней дополненной реальности: телеметрия, доступ к разным спектрам зрения, показатели систем жизнеобеспечения и энергосбережения. Кроме этого, на периферии зрения находились четыре интерактивные плашки меню, словно стопка карт друг на друге. И все подсвеченные огнем входящих оповещений. Отложив просмотр сообщений на потом, я направился к выходу из комнаты. Взялся за ручку, открыл дверь и...

– Да чтоб тебя! – выругался я машинально, громкий услышав хруст.

Андре не зря отдельно упоминал о нарушении координации – вот и я сейчас чуть переборщил. Открыл дверь слишком уж широко, так что ее из петель вывернуло. Надо привыкать, подстраиваясь.

Выйдя на улицу, я побежал по дорожке, рассматривая подсвеченные значки дополненной реальности. Первая иконка с узнаваемым профилем – меню моего личного айди. Остальные

три в виде гербов: взводная тактическая сеть команды сборной гимназии Витгефта по практической стрельбе – красно-оранжевый щит, командирское меню варлорда Артура Волкова – серый щит с желтоглазым волком; и черно-красный щит с эмблемой рода Юсуповых-Штейнберг. Последний означал, что Андре уже выполнил нашу договоренность, включив меня в общую сеть отряда, сейчас охраняющего поместье.

Основные функции и активные оповещения я настроил еще вчера, интегрировав комплект экипировки со своим айди. И теперь интерфейс дополненной реальности доспеха предоставлял доступ к меню учетной записи моей личности. Удобно, можно во время пробежки те же входящие сообщения посмотреть. Или налоги заплатить.

Управление дополненной реальностью происходило просто и сложно одновременно. Необходимо было сконцентрировать взгляд на пиктограмме иконки, зацепив ее глазами, и, потянув взглядом, вывести перед собой. Пункт меню или оповещение при этом раскрывались, увеличиваясь до читаемых размеров. Сбросить изображение также было просто – по умолчанию это происходило с расфокусировкой взгляда. Причем у меня так постоянно получалось непроизвольно.

Столь сложный элемент контроля взгляда стоял по умолчанию в активном боевом режиме – потому что в обычном управление доступно практически без обучения: интерактивные пункты меню фиксировались, ими можно было управлять руками прямо в дополненной реальности и закреплять перед взором. Но обычный режим не для нас. Поэтому приходилось стараться. Несмотря на систему потоотведения, я чувствовал, как повлажнел у меня лоб. Не от усталости – лишние килограммы бронекостюма практически не напрягали, – а от концентрации и напряжения.

Пару раз даже выругался в сердцах, когда изображение срывалось в самый неподходящий момент – к примеру, когда мне надо было сделать поворот, и я терял концентрацию на тексте оповещения, и приходилось начинать все сначала.

С живленными глазными имплантами и встроенным нейроинтерфейсом, кстати, после вводной программы тренировок подобных неудобств не возникало – легко получалось одним глазом читать, допустим, или изучать карту, а вторым – целиться или считывать показания приборов. Но мы не солдаты, а одаренные гимназисты, так что глазные импланты нам не положены.

После очередного срыва картинки перед глазами я вдруг вспомнил одну деталь. Вчера, пока я знакомился с оружейным комплексом АЕК, Андре упоминал, что в самое ближайшее время нам предстоит научиться обращаться со сверхплотной информационной средой тактической сети. И умение отслеживать разные вещи разными глазами – обязательное для этого условие.

Вчера я пропустил это мимо ушей. Наверное, потому, что предполагаемое к изучению умение особо не удивило. Еще дома слышал о подобном – читал воспоминания пилота вертолета Апач, концепция управления которого такова, что после двух-трех лет службы глаза пилота двигаются независимо друг от друга, а натренированный мозг параллельно решает две разные задачи. Но это ведь два-три года, обучение плюс еще служба. Нам же, по словам Андре, предстояло овладеть подобной способностью менее чем за два месяца. А у меня пока даже на бегу не получалось сконцентрироваться обоими глазами на элементах тактической сети, не теряя их от ускользающего взора.

Вот так, потя и ругаясь под нос, изредка поглядывая на дорожку, я в ходе пробежки кое-как знакомился с поступившими уведомлениями. Среди прочего прочитал отправленный рано утром отчет Фридмана. И понял, почему Зоряна нарядилась в античную тунику. Все просто: название ее новой должности было продублировано на языке, похожем на греческий. Что-то интуитивно воспринимаемое как «экономус». Из-за этого должность ее читалась более серьезно, сразу совершенно другой коленкор.

Кроме этого, Моисей Яковлевич сообщал о завершении формальностей, связанных с титулом, и напоминал о необходимости завершить полагающиеся процедуры с моим отрядом варлорда. Гимн, день, униформа, флаг, размер премиальных и штатное расписание... да когда мне это все делать?

Управление функционалом дополненной реальности в боевом режиме меня настолько заняло, что почти не обращал внимания на Анастасию, которая, вопреки своему обыкновению, вышла на пробежку в ту же часть парка, где бегал я. Наверное, княжне интересно наблюдать за упражнениями облаченного в бронекастюм человека. Может, была и другая причина, но сейчас мне это откровенно неинтересно.

Раз за разом срываясь взглядом с интерактивных плашек, гася вспышки раздражения, я продолжал нарезать круги по парку. Но после сто первой (а может, двести первой) неудачи у меня наконец начало уже более-менее получаться. Не переставая отслеживать краем глаза дорожку перед собой, я успешно дочитал все оповещения личной учетной записи, а после переместился в меню тактической сети охраны поместья, зацепив взглядом красно-черный щит. А после врезался в дерево.

Спиной почувствовал веселье и смущение. И почти сразу с невероятной четкостью услышал сдерживаемый смех Анастасии – посторонние звуки «за бортом» умная система наблюдения и контроля вычленила идеально, глуша фоновые и усиливая направленные.

Несмотря на сдерживаемый смех, как-то показывать княжне обиду или раздражение ее весельем не стал. Тем более обиды или раздражения не испытывал: отчетливо чувствовал, что княжне было смешно и в то же время стыдно за свое веселье. Причем она сдерживалась еще, а я бы точно с удовольствием посмеялся, заржал бы даже как конь и последнее хамло, врежусь она в дерево на моих глазах, – громко подумал я. Дополнительных ментальных щитов ни у меня, ни у нее не стояло, так что княжна мысли мои хорошо слышала. И даже, по-моему, обиделась. Вот нечего потому что, и так бесит уже все вокруг.

Погасив вспышку раздражения, побежал дальше. И, неожиданно, после столкновения с деревом управлять дополненной реальностью стало гораздо легче – словно тумблер перещелкнули. Уже без проблем отслеживая окружающее периферийным зрением, больше не сбиваясь с дороги, я ознакомился с положением дел по охране поместья. По вчерашней нашей договоренности с Андре он начал подготовку тренировок нашей команды на территории поместья Юсуповых-Штейнберг. И с этой целью уже перевез сюда семнадцать неасапиантов. Именно тот отряд, что во время памятного испытания показал нам предполагаемый уровень будущих соперников. Сбив с нас со всех спесь «будущей элиты даже среди одаренных», не без этого.

Так что в ближайшее время безопасность поместья обеспечивается весьма внушительными силами: это неасапианты и сам Андре, который выразил готовность переехать в предназначенные для него апартаменты; поручик Садыков, которого никто так и не отозвал, а также присягнувшие на верность княжне Анастасии пятеро охранников из прежней службы безопасности. С остальными разорвали контракты и отправили восвояси – подробностей я не знал, княжна этим сама занималась.

Сейчас поместье защищено очень и очень серьезно, а уж с учетом грядущего прибытия змееглазых индианок... В общем, чтобы попытаться провести против меня силовую операцию, потребуется отнюдь не малый ресурс. Кроме всего прочего, было еще несколько персоналий, на которых я откровенно рассчитывал в первую очередь. Рассчитывал с тем прицелом, что лучшая битва – это та, которой не было. Прямо по заветам Сунь-цзы.

При этом у меня было понимание, что сегодняшний вечер в некотором роде определяющий. Но беспокойства не было, наоборот – какая-то внутренняя непоколебимая уверенность в благоприятном исходе. Даже несмотря на то, что именно сегодняшний вечер как время возникновения проблем независимо друг от друга прочили мне граф Безбородко и князь Астерот.

Сегодня в моей жизни происходит два события. Во-первых, я как Артур Волков достигаю возраста семнадцати лет, первого совершеннолетия. Это, кстати, еще и не озвученное фон Колером решение проблемы с моим опекуном, который по идее мне больше не нужен.

Во-вторых, какое совпадение, сегодня же в поместье должны приехать документы Мюллера вместе с индианками, а также прибыть Шиманская. Которая является носителем знаний о делишках Уэлча по торговле людьми и связанных с этим бизнесом людей из ФСБ. Документы Мюллера вряд ли сильно важны, а вот Анжела, ее знания становятся для кого-то смертельно опасными.

Почему ее не устранили до этого? Да потому, что она находилась на территории посольства Конфедерации. И будет находиться в зоне ответственности чиновников-конфедератов до того самого момента, как ее не передадут мне.

Почему ее предметно не допросили до этого?

Да потому, что Анжела находится на территории посольства, но под постоянным приглядом ФСБ, специалистами которой и организовывается ее эвакуация. Ведь именно контора работает по Волынскому протекторату.

При этом заинтересованные коррумпированные господа держат Анжелу под колпаком, но держат связанными руками. Потому что смерть объекта вызовет совершенно ненужные вопросы, я в этом уверен. Пример прибитого яйцами к стене проворовавшегося петербургского чиновника подтверждает – пока не дан окончательный ответ на вопрос «кто виноват?», императорские службы хватку не ослабляют. Будут курирующие доставку объекта специалисты стрелять себе в ногу, подписывая приговор? Нет, конечно.

Шиманскую можно было безбоязненно устранить тогда, когда она тихо служила в полиции Града, – что не получилось из-за меня. Или можно будет устранить, когда она в статусе нелегальной беженки окажется в поместье.

Что необходимо делать мне? Как можно скорее организовать получение от Анжелы необходимой информации, с тем чтобы эта информация стала не только моим достоянием. И в этом я очень рассчитывал на Валеру. Даже более того: приглашая его на ужин, я понимал, что нахождение на территории поместья персоны такого уровня банально остановит горячие головы от опрометчивых действий.

Могут заинтересованные в молчании Анжелы попробовать устроить спецоперацию и сразу устранить ее? Прямо атаковать поместье, когда здесь находится настоящий принц, будет крайне глупо для игрока любого уровня. Сколько ни думал я над этой ситуацией после согласия Валеры, решение было только одно: на месте ребят, покрывающих работорговлю, я бы уже паковал чемоданы и искал «другой глобус». Тем более потому, что есть у меня предчувствие – возникшим поводом подвинуть кого-то из высоко сидящих чинов явно готовы воспользоваться. Возможно даже, это будет ротмистр Демидов или группировка чинов из ФСБ, к которой он принадлежит. Чье-то падение – всегда ступенька для чужого возвышения.

В таких размышлениях время пробежки закончилось, и пришла пора тренажерного зала. Здесь часть бронекосяма я снял, оставшись только в контактном косяме, а также служащих грузом наручах и поножах. И после окончания тренировки утомился я достаточно серьезно.

Возвращаясь к себе, спешил и нервничал. Оттого, что из-за откровенного разговора с Зоряной вновь отстаю от графика. У меня чрезвычайно развито чувство времени, и иногда это не столько помогает жить, сколько мешает. Поэтому в комнату зашел торопливо, снова забывшись и заставив жалобно хрустнуть оперативно починенную дверь.

Зоряна валялась на кровати и читала, а при моем появлении испуганно вскочила. Мельком скользнул взглядом по обложке упавшей книги. «Камо Грядеши» Сенкевича. Недавно читала «Анну Каренину» Толстого – неплохой вкус, продолжает приятно удивлять.

Жестом успокоив девушку, показывая, что никакой паники нет, я, действуя быстро и уже почти сноровисто, снял и уложил в контейнер всю экипировку. Торопливо позавтракал на

ходу, в процессе переодеваясь, и выскочил из комнаты. Но на парадной лестнице был пойман Кальтенбруннером.

– Артур Сергеевич! – окликнул меня управляющий.

Подошел Кальтенбруннер с показательной поспешностью, демонстрируя рвение и уважение. Отношение после слов княжны о женихе изменилось кардинально, сразу видно. Странно только, что этому консервативному товарищу потребовалось столько времени на то, чтобы понять мою давно изменившуюся роль здесь. Он ведь так и относился ко мне как к неясному пассажиру-приживале.

– Внимательно, – делая вид, что очень ценю отнимаемое сейчас им время, посмотрел я на управляющего.

– Артур Сергеевич, Анастасия Юрьевна просила вам передать, что сегодня гимназию не посещает. Машина ожидает вас у крыльца, ее сиятельство можете не ждать.

– Благодарю, – степенно кивнул я напустившему на себя важный вид управляющему. – Как вас там? – намеренно сбил с него спесь вопросом. Вот не люблю я его.

«Мерзкий, аж трясет!» – голосом возмущенной мамочки с детской площадки подсказал внутренний голос.

– Прошу простить? – поджал губы Кальтенбруннер.

– Зовут вас как, по отчеству?

– Иосиф Арнольдович, – отчеканил управляющий.

– Благодарю, Иосиф Арнольдович, – с фальшивой вежливостью поблагодарил я Кальтенбруннера, разворачиваясь.

Еще не забыл, как на него жаловалась Зоряна – на то, что управляющий позволяет себе явно лишнее в ее сторону. Надо будет и этот вопрос тоже поднять, как все уляжется. Я ведь не злопамятный – просто злой, и память у меня хорошая.

– Артур Сергеевич! – чуть изменившимся и даже подрагивающим от возмущения голосом окликнул меня Кальтенбруннер.

– Да? – не скрывая раздражения, обернулся я. Вот что за манера, неужели за один раз нельзя все сказать?

– Еще Анастасия Юрьевна просила передать, что вас сегодня могут не пустить в гимназию, если вы не назначите себе ординарца.

– Да... как мне это дорого все! – исправился я, не дав сорваться непроизносимым в приличном обществе словам.

Память у меня хорошая, но не настолько, чтобы вот все сразу помнить. Записывать уже пора, не умещается все в голове. И что делать? Может, тоже сегодня прогулять, как Анастасия? Желание не идти в гимназию как появилось, так и пропало – сегодня предстояла обязательная к посещению лекция фон Колера, а также рекомендованная им Новая Физика. Поэтому непосещение могло быть чревато. Но с ординарцем надо что-то делать.

Зоряна? Уже домоправительница. Фридман? Калибр не тот, это как телескопом гвозди забивать. Датчанин? Хорошая шутка, он даже глазами еще с трудом шевелит.

Вариант оставался один, и он мне совсем не нравился. Другого выбора, правда, на горизонте не было, тем более с вариантом решения в ближайшие пару минут. Беззвучно выругавшись, я принял решение и торопливо двинулся в сторону другого выхода, заставив Кальтенбруннера отшатнуться.

Покинув здание через черный ход, пересек небольшую рощу платанов и подбежал ко Второму корпусу, в котором располагалась темница. Система безопасности усадьбы уже была на меня настроена, так что проблем попадание в подвал не доставило – я просто зашел и спустился вниз.

Замки дверей открывались даже без запроса, по биометрии. В тот момент, когда приоткрыл последнюю дверь, ведущую в коридор с камерами, услышал голос с истерично-визгливыми нотками. Судя по всему, Василий, что-то говорящий на африкаанс.

Это еще что за монолог? Нет, диалог. И не только на африкаанс. Усиливающие значения мыслей выражения Василий использовал интернациональные: многочисленные производные от fuck, kurwa и suka blyat`.

Можно было бы принять Василия за поехавшего, но я один из немногих в этом мире знал, что в нем сидит демон, так что воспринял происходящее спокойно. И кстати, судя по интонациям, как-то Василий перед демоном без пиетета, что-то много себе позволяет. Совсем недавно вел себя тише воды, ниже травы...

Ответ, почему Василий такой дерзкий и резкий, я получил, когда увидел через решетку Романа Игоревича. Отстраненный начальник службы безопасности лежал на койке под ярким светом и скрючился в неестественной позе, закрывая уши. Не думаю, что спать ему мешает сильный свет или отсутствие покрывала на койке. Видимо, Василий задушевные разговоры с демоном ведет достаточно давно, доведя Зайцева до белого каления.

Правильно, так и надо – совсем не почувствовал я никакого сочувствия к пленному. Который, кстати, демона, скорее всего, в тело Василия и подсадил. Все позавчерашнее дознание о том, каким образом демон захватил тело Василия, кстати, уместилось в один усиленный искусством вопрос фон Колера. На такой вопрос соврать невозможно, но ответ не поразил: на прикроватной тумбочке у гангстера лежала африканская маска, увидев которую, он, естественно, сразу же решил примерить. Дальнейшее оказалось весьма предсказуемо.

В этот момент Зайцев почувствовал мое внимание и резким движением соскочил с койки. Когда он сфокусировал взгляд и понял, кто перед ним, во взгляде его я увидел незамутненную ненависть.

С начальником службы безопасности рода собиралась разбираться Анастасия самостоятельно, так что правила приличия мне с ним даже разговаривать пока не дают. Поэтому, подмигнув и помахав Роману Игоревичу рукой, прошел вперед – к камере Василия, про которого все, если честно, просто забыли. И правильно забыли – знаний от него все равно много не получишь, а позволить слоняться без присмотра дуалистической личности из гангстера и низшего демона, усилившегося парой душ... Наверное, это было неправильным решением.

Сохраняя молчание, я прошел к камере с Васей и замер, осторожно выглядывая и не привлекая к себе внимания. Дерзкий гангстер вел разговор с самим собой, часто меняя выражение лица, и... нет, это был не разговор Васи с самим с собой. Это был разговор двух личностей в одном теле. То и дело пришелец из Тьмы перехватывал управление телом гангстера – выражение лица при этом кардинально менялось. Зрелище завораживало. Никакая актерская игра не может столь полно передать общение двух личностей в одном теле. Так натурально только шизофреники могут. Ну, или люди с демоном-соседом в теле. Говорил, кстати, демон на африкаанс, так что, о чем ведется беседа, я по-прежнему не понимал.

Но разговор велся на повышенных тонах. Василий явно высказывал демону претензии, а демон отвечал, причем достаточно жестко. И явно просил гангстера не распускать слюни и быть мужиком.

– Oh man, you are cinder-fuckung-ella! – с выражением лица точь-в-точь как у злой ипостаси Голлума между тем высказал демон Васе. Это было на английском и мне вполне понятно – демон говорил гангстеру, что тот ведет себя как очень капризная золушка. Но в этот момент демон заметил меня, осекся на полуслове и спрятался. В буквальном смысле: на миг лицо чернокожего гангстера приобрело безвольно-тупое выражение, но тут Василий вернулся и посмотрел на меня с недоуменным испугом.

«Почему, несмотря на то, что я велел тебе сидеть и не высовываться, ты позволяешь себе подобные концерты?» – без лишней вежливости спросил я на русском, уложившись всего в три слова, двумя из которых были: «И какого...».

В ответ Василий торопливо и испуганно зачастил что-то на африкаанс, но я прервал его резким жестом.

– Я не с тобой разговаривал.

Лицо Василия вновь на краткий миг отстраненно обмякло, а после выражение поменялось. Если б я сам не был адептом темных искусств и не повелевал тьмой – пусть пока и без особого умения, я б, наверное, даже испугался.

– Я приказал тебе сидеть и не высовываться, а ты устраиваешь представление.

– Господин, – склонился демон в почтительном поклоне. – Предоставленная вами во всеблагой мудрой милости телесная оболочка сопряжена со слабым разумом, и...

– Короче, я в школу опаздываю.

– Этот тупой ниггер готов был сойти с ума, господин. Если бы он потерял рассудок и расколотил себе череп о стену камеры, я бы умер вместе с ним, а вы потеряли бы и меня, и этого никчемного. Дабы не допустить потери вашего имущества, я все равно был бы вынужден проявиться. Действовал превентивно, занял его беседой и вернул душевное равновесие. Готов понести заслуженное наказание, господин, – склонился снова в низком поклоне демон.

– Позже обсудим, – с невозмутимым видом кивнул я и жестом показал демону, что ему пора уходить.

«Он назвал меня тупым ниггером!» – возмутился Василий, когда ему вернулся контроль тела. Но почти сразу гангстер вздрогнул под моим взглядом и едва не присел от испуга – наверняка чуйкой осознав, что сейчас будет решаться его судьба.

– SR?

– Negative.

– Status?

– Asocial element.

– Are you dangerous to society?

– No.

Список вопросов был стандартен для патруля полиции в любом протекторате, так что отвечал Вася без раздумий и задержек. Кивнув, я приложил руку к замку, и через секунду дверь камеры открылась.

– Follow me, – скомандовал я Васе следовать за собой.

Социальный рейтинг у Василия отрицательный, и числится он как асоциальный элемент. Но для общества не опасен – то есть в прямом криминале не замечен. А это значит, что проблема ординарца решена.

Проходя мимо двери, посмотрел на замершего в центре камеры Зайцева, в глазах которого горела чистая злоба. И его сегодня Анастасия ведь собралась допрашивать. Безопасник под моим взглядом глаза не опустил, наблюдая, даже не стараясь скрыть незамутненную ненависть. Опасный товарищ. Без шуток опасный.

– Ран, Вася, ран, – поманил я рукой гангстера и торопливо двинулся прочь, уже на лестнице переходя на бег.

В холле главного здания по-прежнему ошивался Кальтенбруннер, который мое появление вместе с гангстером, все еще облаченным в потрепанную экипировку городского охотника, воспринял с крайним удивлением. Но от вопросов удержался. Забежав по лестнице, быстрым шагом мы с волнующимся Василием дошли до выделенного Фридману кабинета. Жестом приказав гангстеру подождать, дежурно стукнул два раза и сразу распахнул дверь.

Моисей Яковлевич расположился в кресле, будучи окружен многочисленными экранами – словно рядовой брокер на китайской бирже. В момент моего появления юриста, видимо,

одолела дрема. Глаза его были почти полностью закрыты, а на лице отстраненно-блаженное выражение. Но резкий стук и звук открываемой двери заставил его вздрогнуть и принять подобающее столь важному сотруднику положение и выражение. Не очень удачно – кресло на колесиках откатилось, локоть скользнул по столешнице, и дернувшийся Фридман сложился на полу невероятным образом.

Позволив себе яркую тираду на идише, Моисей Яковлевич вскочил, одергивая пиджак и приводя себя в порядок, будучи донельзя смущенным. Я в это время рассматривал картину на стене, делая вид, будто ничего не произошло.

Думал в это время о том, что все же – несмотря на многочисленные проблемы, попал удивительно удачно. Потому что пытающийся сейчас привести себя в порядок юрист ради моей благосклонности готов работать сутками. Даже не просто работать, а буквально зубами грызть скальную породу только для того, чтобы я оценил его усилия по достоинству.

Для Зоряны известие о том, что она стала моей подданной, оказалось самым счастливым в жизни, вознеся – вместе с новой личностью на принципиально недостижимую ранее высоту.

Да, все это хорошо, конечно, вот только, несмотря на высокое положение, я все еще иду по тонкому льду, под которым – в случае неудачи меня поджидает Князь Тьмы с вопросом о невыполненном контракте.

– Агтуг Сег-геевич, – отвлек меня от раздумий Фридман. – Поздравляю вас с днем гождения!

– Спасибо, Моисей Яковлевич. Доброе утро, – встрепенулся я, посмотрев на помятого юриста. – Мне необходима ваша помощь.

– Всенепременно, Агтуг Сег-геевич...

– Моисей Яковлевич, за дверью стоит мой новый ординарец. Его надо зарегистрировать как въехавшего в Конфедерацию, поставить на учет в миграционной службе, заказать айди и подтвердить назначение на должность моего ординарца. Рейтинг у него в статусе асоциального, но для общества не опасен. Сколько вам времени на это требуется?

– Не более двадцати минут, ваше благогодие, – кивнул Фридман.

– Без чинов, Моисей Яковлевич.

– Как будет угодно, Агтуг Сег-геевич.

– Начинайте с Василием. И да... – задумался я о том, что стоит рассказать поверенному в делах.

– Агтуг Сег-геевич? – негромко протянул Фридман, когда пауза затянулась.

– Да, да, – кивнул я, принимая решение, – Моисей Яковлевич, имейте в виду: в теле Василия находится укрощенный демон, принесший мне клятву верности. Он получил приказ не высовываться, но... будьте внимательны, мало ли. Держите наготове оружие или охранника и, случись что, стреляйте в голову.

– А... хог-га... хог-гошо, Агтуг Сег-геевич, – не сразу, но достаточно быстро справился с удивлением Фридман.

– Оружие есть у вас?

Кивнув, Фридман извлек из своего неизменного кейса массивный никелированный пистолет с резными щеками из слоновой кости на рукояти. Настоящая гаубица, из такой только самолеты сбивать низколетящие – поразился я фетишу юриста. По конструкции пистолет незнакомый, но на американца похож. Причем наверняка штучный, ручной работы. Модель явно начала прошлого века – с таким стволом в лесу медведь нестрашен. Для чего и создавалась, собственно, а не для этого вот всего.

– Пули серебряные есть?

– Нет, но я...

– Это была шутка, не обращайтесь внимания. Просто стреляйте в голову, обязательно с контролем. Но только в критической ситуации – мне все же пока нужен и демон, и ординарец.

– Понял. Агтуг Сег-геевич.

– И еще, Моисей Яковлевич...

В этот раз Фридман меня не отвлекал, явно размышляя о демонологии и обо всем, что с ней связано.

– ...в камере подвала Второго корпуса содержится неприятный и опасный тип. Его зовут Роман Игоревич Зайцев.

Я немного подумал, прежде сформулировал смутные опасения и все же смог выдать четкое указание:

– Анастасия Юрьевна сегодня наверняка будет проводить с этим господином дознание. Необходимо сделать так, чтобы ее сиятельство находилась под присмотром обученных людей. Или нелюдей, – вспомнил я неасапиантов. – Даже знаете, Моисей Яковлевич, нелюди будут лучше. Договоритесь об этом с господином Андре. Держите вопрос на контроле, но постарайтесь не афишировать перед княжной факт присмотра. Если она все же заметит и начнет задавать вопросы, отвечайте без утайки.

– Будет исполнено, Агтуг Сег-геевич, – кивнул Фридман.

– Моисей Яковлевич, – посмотрел я в красные глаза уставшего юриста.

– Да?

– У меня на счету должно быть примерно сто тысяч золотых рублей...

– Уже девяносто пять тысяч семьсот...

– Да. Девяносто пять, – недовольно поморщился я: услуги неасапиантов Андре стоили недешево. Но безопасность дороже. Хотя все равно как от сердца отрываю. С кровью. Без наркоза. И медленно.

– Выпишите себе премию, Моисей Яковлевич.

Вот сейчас нормально все, без жадности. Фридман определенно на премию наработал. Даже знаю почему – неасапианты охраняют в том числе и поместье рода Юсуповых-Штейнберг, которое не мое, а вот премия идет именно персонально моему поверенному.

– Благодаг`ю, Агтуг Сег-геевич. Сколько?

– По совести, Моисей Яковлевич, но чуть выше общепринятого тарифа. Еще найдите себе надежного помощника, и прошу рекомендовать мне хорошего финансиста. Чем больше денег будет на счету, тем чаще предполагаются премии.

– Будет исполнено, Агту...

– Ординарец и пригляд за Анастасией Юрьевной сегодня в приоритете. Василию купите одежды на разные случаи жизни, да и вообще, причешите и приведите в порядок. До свидания, Моисей Яковлевич, – кивнул я и вышел из кабинета.

Глава 2

Оставив Василия у кабинета юриста, до машины шел уже не торопясь. Если Анастасия права и в гимназию действительно могут не пустить, то лучше прибыть уже к тому моменту, когда у меня будет назначенный ординарец. Фридману – насчет озвученных двадцати минут я верил, а до гимназии езды не больше пятнадцати. Успеваю едва-едва к началу занятий.

Когда везущий меня автомобиль выкатил на площадь перед гимназией, понял, что княжна была права: на крыльце ошивалась заместитель директора. Мадам увлеченно делала вид, что дышит воздухом, показательно не обращая ни на кого внимания. Приметная сударыня – статная, с привлекательными формами и толстой русой косой, доходящей практически до талии. Форма преподавательского состава, кстати, ей очень к лицу. И не только к лицу – оценил я даму, которая вчера отчитывала меня в своем кабинете за отсутствие ординарца. Отчитывала, не поднимаясь из-за стола, поэтому фигуру и не рассмотрел. Как зовут заместителя директора, кстати, не помнил.

Когда подъезжали к крыльцу, глянул в ассистант – ординарца у меня еще не было. Автомобиль между тем остановился, и дама будто невзначай сделала первый, ленивый, шаг к машине. Явно ожидая, когда откроется дверь. Давать ей повод вновь меня отчитывать не хотелось, поэтому я резко открыл перегородку, отделяющую пассажирские места от водительского.

– Поехали, поехали! – крикнул я водителю. Сумел сделать это убедительно – машина сразу тронулась с места, отъезжая от крыльца.

– Куда едем, вашбродь? – поинтересовался водитель, глянув на меня в интерактивный экран, выполняющий функции салонного зеркала заднего вида.

И этот туда же. Откуда знает? Да ясно откуда – линзы дополненной реальности, в которых виден статус встреченных людей. По крайней мере тех, кто вне рамок закона. Вне которых находятся и преступники, и аристократы, кстати.

Не отвечая, я задумался. Действительно, куда?

– Вашбродь? – еще раз осторожно поинтересовался водитель.

– Да покрутись вокруг площади, – сделал я пальцем кругообразное движение, показывая на памятник восседающего на коне графа Румянцева.

Водитель кивнул, плавно входя в поворот. Несколько минут машина каталась на минимально разрешенной скорости по перекрестку с круговым движением. Я периодически посматривал на видимое отсюда крыльцо гимназии, где все еще дышала воздухом заместитель директора. Татьяна Николаевна. Да, посмотрел уже в списке преподавателей гимназии, как ее зовут. В точности как мою учительницу английского языка звали. И моя учительница английского также была на редкость целеустремленным, упорным и дотошливым человеком.

На третью минуту кругового движения на экране ассистанта появилось оповещение. Открыв сообщение, я увидел портрет своего нового ординарца. «Ндабанинга «Василий» Коджо Абимболаевич» – посмотрело на меня искривленное перспективой лицо гангстера, в выражении которого читались несочетаемые, казалось бы, дерзость и испуг.

Мда, Моисей Яковлевич, конечно, мог сделать фотографию Василия и получше – хмыкнул я, глядя на фото профиля. Но юрист наверняка торопился, так что подумал о нефотогеничной парсуне Василия я без особых претензий.

Татьяна Николаевна, стоило мне выйти из машины, направилась ко мне с улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего. Перегородив траекторию движения, она остановилась на лестнице. Из врожденной вредности я сделал вид, что задумался, и остановился за миг до того, как едва не ткнулся лицом во внушительный бюст.

– Т-татьяна Николаевна! Какая неожиданная встреча! – поднял я ясный взгляд, в котором сумел исполнить неприкрытую радость. На радужке глаза заместителя директора сразу заметил

едва-едва заметный серо-стальной отблеск. Похоже, у нее сейчас перед глазами отобразилось изменение статуса моего профайла.

– Артур Сергеевич, – фальшиво улыбнулась заместитель директора. – Поздравляю вас с днем рождения, – дежурно сказала она. Лицо держала, даже несмотря на то, что рыба с крючка сорвалась.

Нет, дорогая, так просто ты точно не уйдешь.

– Татьяна Николаевна, могу ли я надеяться, что вы находились здесь столь долго ради того лишь, чтобы поздравить меня? – поинтересовался я. Достаточно громко для того, чтобы мой вопрос услышали несколько ошивающихся поодаль работников в форме персонала гимназии.

Видимо, такого запрещенного приема Татьяна Николаевна не ожидала. Даже вспыхнула, не справившись с эмоциями. Я, кстати, сейчас действовал уже не из врожденной вредности, а по старой и беспроязвительной стратегии, показывая самый безболезненный вариант общения со мной. Закрывающийся в том, что со мной просто вообще не нужно связываться.

– Вы опоздали к началу занятий, Артур Сергеевич. Жду от вас объяснительную, – холодно ответила Татьяна Николаевна, резко вздернув носик, и, вдруг передумав возвращаться в гимназию, сделала вид, что пытается меня обойти.

– Как опоздал? – попытался я поймать ее взгляд. – Татьяна Николаевна, до начала занятий еще больше минуты, времени вагон.

Заместитель директора отвечать не стала. Порывисто обойдя меня, она без задержек спустилась с крыльца. Как раз к тому моменту, когда к нему на автопилоте подъехал красный спортивный автомобиль, дверь которого послушно распахнулась, поднимаясь вверх.

Интересно, Татьяна Николаевна специально машину со стоянки вызвала, чтобы не показывать, что ждала именно меня? Или я тут лишнего надумал, а она на самом деле куда-то собиралась, а дежурная порка меня по отсутствию ординарца должна была проходить не по велению души, а от врожденной педантичности?

Проводив взглядом красный авто, тронувшийся с места со взвизгом резины – на ручном управлении, однако я заторопился внутрь. Получать в личное дело запись об опоздании не хотелось, поэтому пришлось пробежаться. В тот момент, когда залетел в аудиторию класса Индиго, часы показывали «07:59:57».

– Всем привет, – негромко произнес я, приземляясь на ближайшее место и извиняющимся жестом показывая преподавателю Античной истории, что я совершенно не специально.

День в гимназии прошел спокойно и буднично. С днем рождения меня поздравила сначала Эльвира, а после нее – Модест. Потом Наденька, а после нее – Илья. Фон Колер поздравил, один Валера отморозился. Из тех, с кем общался иногда, подошли еще несколько одноклассников. А также, что удивительно, подошли двое братцев-рыжих. Дорошкевичи, те самые ода-ренные огненной стихии, мысли которых я прочитал во время дуэли Разумовской и Анастасии.

Вернувшись в поместье, я переоделся в бронекожух и вышел на тренировку в парк. На сегодня в программе значилась и стрельба, так что бегал я с АЕК в варианте штурмовой винтовки, держащейся за спиной на магнитном креплении.

Когда на последнем полагающемся круге пересекал главную аллею, проводил взглядом заезжающий в ворота автомобиль. Завидев меня, водитель остановился. Двери машины распахнулись, и практически одновременно на улицу вышли Фридман и Василий.

– Да [черт тебя побери] Вася! – в сердцах произнес я, пользуясь тем, что в шлеме меня никто не слышит.

– Это ты кому? – раздался вдруг в переговорнике голос Валеры. Несказанно меня удивив, если честно.

– Не тебе, – спокойно ответил я, внутренне недоумевая, что вообще происходит и как в зоне устойчивой связи оказался Валера. Но, решив разобраться с этим чуть позже, прижал

ладонь левой руки к нижней части шлема. И, увидев перед глазами появившуюся картинку, мазнул взглядом вверх, заставляя лицевой щиток подняться, открывая глухое забрало.

Тяжело вздохнув, я посмотрел на Василия, который под моим взглядом почувствовал, что дело неладно. А как мне было на него смотреть, если гангстер щеголял в белоснежных штанах, сутенерском розовом пиджаке, блестящей золотом рубашке, зеркальных очках-авиаторах и остроносых бежевых туфлях? Как он, блин, вообще такую одежду нашел здесь, в Елисаветграде?

– Агтуг Сег-геевич, – опережая мой вопрос, торопливо заговорил Фридман. – Упустил, оставил его одного в магазине...

– Василий, у твоих родителей разумные дети есть? – прервав юриста, поинтересовался я.

Как говорил последний бойскаут Брюс Уиллис, «включите мне рэп, и я закричу от боли». Я не такой крутой, как старина Брюс, так что сейчас, глядя на Василия, готов был кричать от боли даже без музыкального сопровождения.

– What? – осторожно поинтересовался мигом потускневший юный гангстер, который русского не понимал. Но интонацию хорошо прочувствовал.

– Агтуг Сег-геевич, я, когда увидел результат, также был неприятно поражен и...

– Нормальную одежду ему купили?

– Да, но он категорически отказывается пегеодеваться! Я хотел его пгистгелить, но подумал, что повод все же не дотягивает до кгитического уговня. Пгошу пгостить, впгедь я сделаю все возможное, дабы подобное не пвптогилось...

Безнадежно махнув рукой, я захлопнул забрало и побежал прочь, чтобы не позволять себе резких высказываний в сторону своего ординарца. Давший «клятву последнего дня» демон соврать мне – из объяснений фон Колера, физически не мог, так что Вася действительно был недавно на грани сумасшествия. Пусть живет пока – провоцировать рецидив не хочется. Теперь главное – его просто далеко не отпускать, чтобы людей не пугал своим видом. Или не смешил.

– Валера, прием, – проговорил я, вспомнив о принце, который появился неведь откуда. И сразу вывел на передний план тактическую сеть нашей команды гимназии. Судя по данным, в доспехах и в тренировочном режиме были все из команды, вот только Валера находился совсем рядом, в зоне прямой связи.

— Здесь я.

— А что ты тут делаешь?

– Тренируюсь. Ты ж меня на ужин пригласил сегодня.

– Время ужина еще не пришло.

– Не будь занудой.

Посмотрев на мини-карте местонахождение Валеры, увидел, что он приближается к уже частично оборудованному Андре стрельбищу.

Очень странно, как принц вообще попал на территорию поместья, – потому что никаких оповещений от службы безопасности не было. Но если так активно к стрельбищу направляется, значит доступ у него туда есть. А доступ ему могла открыть только Анастасия – почти мгновенно нашел я ответ на вопрос. Сильно акцентировать внимание на этом не стал и добежал до стрельбища, где вместе с принцем сожгли по положенной тысяче патронов.

В процессе он мне еще дал кратковременный доступ к тактической сети своего отряда телохранителей. Ознакомиться для информации. Мне хватило короткого взгляда, чтобы успокоиться – безопасность принца обеспечивало больше сотни воинов Персидской казачьей бригады. Кроме того, в небе висела целая компания разных аппаратов, но на этом я даже внимание акцентировать не стал.

Уверенность в благополучном исходе сегодняшнего вечера все более крепла.

Ближе к вечеру, уже после тренажерного зала, расположились в гостиной, попивая чай у камина. Валера зачем-то явился сюда со своим контейнером с экипировкой. Проигнорировав мой вопросительный взгляд, он подкатил свой ящик в дальний угол, где и бросил. Потом присел на диван, сожрал пару ягод черешни из большой миски, запулив косточки в камин, подумал немного и снова встал, подкатывая ящик еще ближе к себе.

– Что? – поинтересовался принц, удивленный моим взглядом.

– Бронекостюм, – только и показал я на ящик.

– Что бронекостюм?

– Ты его таскаешь с собой потому, что у тебя нечто важное внутри, или потому, что Андре где-то в поместье?

– Нет, потому, что хочу по живым людям пострелять, когда начнется. Не все же тебе в чартах высокие места занимать и влюблять в себя визжащих от счастья девочек-подростков.

Так, похоже, я чего-то еще не знаю. Но об этом можно и позже.

– Начнется что? – определенно чувствуя неладное, напрягся я.

– Веселье, – пожал плечами Валера, далеко сплевывая очередную косточку. Попала она в кованую решетку, отскочила и упала на ковер. Валера чертыхнулся, поднялся и закинул ее в камин.

– Валер. Скажи, ты думаешь, найдутся идиоты, которые соберутся нападать на поместье с находящимся на его территории персидским принцем, охраняемым сотней казаков?

– Т-с-с, ты что!? – приложил палец к губам Валера. – Я обычный парень Валера Медведев, а никакой не принц, о чем ты вообще говоришь?..

– Валер, не делай мне голову...

– Но, в общем, ты прав. Идиота точно бы не нашлось. Поэтому о том, что здесь сейчас нахожусь я, а также сводный отряд казаков Тегеранской бригады, прикрываемый, ты забыл сказать, изображающим со вчерашнего дня внеплановые учения Черниговским авиаполком и орбитальной группировкой, сейчас знают считанные люди.

Воу. Вот это было неожиданно.

Валера между тем сплюнул очередную косточку черешни в камин.

Сам он не стал бы принимать такие решения. Или стал бы? Да нет, если тут больше сотни солдат и офицеров Русской императорской армии, причем под контролем авиации и под взором орбитальной группировки, точно не сам. Получается, кто-то сверху санкционировал небольшую победоносную войну для того, чтобы потянуть за ниточки, раскручивая клубок. Причем раскручивая, возможно, по всему Югу России.

– Анастасия знает?

– О чем? – не понял даже мой вопрос Валера.

– О том, что сегодня, возможно, станет жарко?

– Конечно, – абсолютно серьезно ответил Валера. – Ты уж меня совсем за дурака не считай.

Хотел я ему было ответить – парой фраз из монолога следователя из российского фильма Изображая жертву, но только рукой махнул. Весело ему, блин.

«Вы играете в жизнь!» – с надрывом подсказал мне внутренний голос, но озвучивать я все же свое отношение к происходящему не стал.

– Да не переживай, на поместье оформили страховку, – успокоил меня Валера, судя по всему подумав, что я беспокоюсь о порче имущества. – Ну попортим стены пулями немного, разобьем, может, пару стекол, все в порядок приведут до утра. За Шиманской максимум две группы придут.

– Ты что-то знаешь?

– Т-с-с! – снова показательно кривляясь, приложил палец к губам Валера.

После его этого жеста я окончательно утвердился в уверенности, что произошедшее сегодня здесь должно стать катализатором неких событий. Словно ведется несколько уровней игры, где каждый участник преследует свои цели.

Анастасия, уже в вечернем платье, вскоре к нам присоединилась. Выглядела княжна... по-княжески. Темно-синее платье с открытой спиной, поблескивающие синевой камней украшения, подсвеченные магией глаза и рассыпанные по оголенным плечам шикарные волосы. Я, если честно, на несколько мгновений даже замер. Раньше видел Анастасию в совершенно разных ипостасях – от, мягко говоря, самой бытовой обстановки при первом знакомстве до максимально делового вида в день ареста Анны Николаевны. Сейчас же просто обомлел, глянув на девушку словно новым взглядом.

Когда она прошла мимо, заметил еще и магическую татуировку во всю спину, в виде ледяного дракона. Причем дракона живого – в ответ на мой взгляд эта ящерица-переросток расправила крылья и недвусмысленно показала зубы.

– Ваше сиятельство, самый изысканный комплимент сейчас прозвучит глупой банальностью, поэтому мы просто помолчим, разрешите? – первым пришел в себя Валера, который вполне натурально подавился черешней.

А я вдруг начал лучше понимать этот мир. Бывают такие моменты, когда массив самых разных, иногда кажущихся откровенно ненужными, знаний вдруг сходится. Иногда даже настолько, что проявляется ясная картина одной из граней реальности. Вот и сейчас подавившийся черешней Валера замкнул цепочку знаний и ассоциаций.

У Александра «нашего все» Сергеевича есть рассказ, Выстрел. В основе которого дуэль совсем молодого русского графа и прожженного авантюриста Сильвио. И в рассказе граф после своего промаха ест черешню, ожидая выстрела авантюриста, своим равнодушным спокойствием выводя того из себя. Александр Сергеевич писал этот рассказ с какой-то автобиографичностью: во время одной из своих дуэлей, с прапорщиком Zubовым, он так же завтракал черешней.

«Стреляйте, господин прапорщик, вы мне не мешаете».

Появление одаренных в Великой войне, как здесь зовется привычная нам Первая мировая, изменило этот мир, в какой-то мере вернув его к нормам предыдущего столетия. Империи не рухнули, служба в гвардии осталась эталоном мечты. А самое главное, что такие вот Валеры и Анастасии, получив шанс если не на вечную, то на очень долгую жизнь, совершенно спокойно относятся к смертельному риску. Причем к риску, с моей стороны – как жителя привычного мне, другого, мира, совершенно ненужному. Слабоумие и отвага в чистом виде.

Но, надо сказать, я уже начинаю понемногу привыкать и адаптироваться к новым реалиям. И даже фраза «честь имею» уже не встает против шерсти привычных ранее условностей.

Вскоре появился Кальтенбруннер и со всей учтивостью пригласил нас на ужин. В тот самый памятный зал, где проходило знакомство «семьи», когда Анна Николаевна представила меня Николаю и Александре.

Среди развешенных по стенам портретов семейства Юсуповых-Штейнберг я с удивлением увидел своего отца, Петра Алексеевича. Раньше не было. Однако – только и покачал я головой, удивившись. В том числе и тому, что до этого момента не озабочился посмотреть портрет папы. Но больше из-за того, что сам являлся его копией. Такие же холодные голубые глаза, острые скулы, светлые волосы; такой же настороженный вид, как в зеркале постоянно вижу. Настороженный, несмотря на то, что Петр Алексеевич изображен в парадном мундире и горделивой позе. И это не фантазия художника – на стене не рисованная картина, а фотография в модной обработке «аристократический портрет».

Ужинали практически в молчании. Анастасия находилась в напряженной задумчивости, Валера отстраненно улыбался, думая о своем, я же больше старался справиться с многочис-

ленными приборами, не ударив в грязь лицом. Недолго – пока Валера не показал всю глубину своего наплевательского отношения к манерам.

Самолично прислуживающий за столом Кальтенбруннер разлил по бокалам шампанское, и вскоре началась беседа ни о чем. В которой, как-то так получилось, мы с Валерой беззлобно старались поддеть друг друга, произведя при этом впечатление на Анастасию. Ей происходящее если не льстило, то забавляло – несмотря на холодно-равнодушный вид.

Когда с ужином закончили, Анастасия предложила переместиться обратно в гостиную и вышла первой. Мы же с Валерой чуть задержались.

– Артур, а где сейчас твоя загадочная подруга? – неожиданно поинтересовался он, когда я поднялся из-за стола.

Кого он имеет в виду, Шиманскую? Или Зоряну? А может вовсе Саманту Дуглас?

– Какая из них? – после короткой паузы поинтересовался я.

– Ух ты, – удивился Валера. – Сестренка твоя из протектората, которая одним своим видом свела с ума сразу десяток неокрепших годами доблестных донов.

«Сестренка». Подтекст, если учесть интонацию Валеры, понятен сразу. «Племянница» – мы так с коллегами иногда в шутку называли красивых секретарш, которые принимались на работу с расширенным функционалом. Теперь понятно, как некоторые молодые одаренные называют своих временных спутниц.

Как ни странно, как и когда Зоряна свела с ума десяток неокрепших тел, я догадался почти сразу. Вспомнился наш недавний и единственный выход в город, когда мы гуляли по торговым рядам, а после ужинали в японском ресторане. И я хорошо запомнил момент, когда она под заинтересованными взглядами компании гимназистов вернулась ко мне за стол. Двигаясь настолько завораживающе, что произвела сильное впечатление. Да, в их окружении в красивых девушках недостатка нет, а вот именно таких...

– Это не «сестренка», а управляющая моими делами, – ровным голосом ответил я, думая, как бы намекнуть Валере, что в отношении Зоряны такой тон в дальнейшем будет неприемлемым.

– Артур, не будь занудой, – фыркнул Валера. – Познакомь, а то мне все уши прожужжали, какая у тебя... – под моим взглядом принц осекся.

Без слов у меня сейчас получилось сказать, что не стоит относиться к Зоряне как к действующей эскортнице.

– ...подруга, – закончил нейтрально Валера.

Оставив пока просьбу без ответа, я сделал приглашающий жест и двинулся к гостинной. Здесь уже был приготовлен стол зеленого сукна с картами и фишками.

– Мы вдвоем играть будем? – недоуменно поинтересовался Валера.

Такой же вопрос мне задавала Анастасия недавно, и ответил Валере я слово в слово:

– Валер, покер – игра на деньги.

– У вас здесь головорез живет из бешеного взвода, давай его позовем.

– Из... откуда, прости? – не сразу понял я, о чем речь.

– Офицер из отряда Измайлова.

– Валер, ты существуешь в отрыве от реальности. Проиграешь ты мне, допустим, сегодня тысяч пять...

– Ты так уверен?

– ...и для тебя это просто грустная история. Для поручика русской армии это...

– Армии Конфедерации.

– ...больше, чем годовая зарплата.

– Как больше? Мы на золото играть будем?

– Валер, ну я же сказал, покер – игра на деньги. Давай со стеклом по тысяче для начала, если что – докупишься.

- По тысяче рублей?
- С деньгами проблемы?
- Иди ты, – только и махнул рукой Валера. – Но вдвоем играть не комильфо.
- Играть мы могли с тобой в преферанс. Сейчас я буду давать тебе уроки покера.
- Не будь занудой.
- Критикуя, предлагай.
- Зови свою подругу, тысячу за нее вношу. Если проиграется, докупается из своих.
- Валера, мне начинает нравиться твой ход мыслей...
- ...а ты вносишь тысячу за офицера из отряда Измайлова. Пять человек за столом,

отличная компания.

Хотел было возразить, но решил, что две тысячи могу позволить себе потерять, чтобы не терять лицо. В своем безоговорочном преимуществе, несмотря на уверенные суждения, уверен отнюдь не был – покер игра такая, непредсказуемая.

Анастасия, уже расположившись за столом и откинувшись в кресле, наблюдала за нашей беседой из-под полуприкрытых ресниц.

– Ваше сиятельство? – повернулся к ней Валера. – Вы будете выставять своего чемпиона?

Княжна звать шестого игрока отказалась. Несколько минут потребовалось на то, чтобы оповестить Зоряну и Садыкова. Поручик пришел первый – в парадной форме, лихо заломленном берете и с колодкой наград на груди. Головорез из бешеного взвода, значит. И вот эти самые люди мне еще что-то говорили, что это я веду себя неприлично. Но мысли об этом пропали у меня из головы, когда появилась Зоряна.

Девушка, как и утром, была в наряде античного стиля. Вот только утром она олицетворяла собой юность и свежесть, а ворвавшиеся в комнату лучи солнца ярко дополнили впечатление.

Сейчас на Зоряне также была белоснежная, подпоясанная золотым поясом туника. Только в пол, а не короткая, как утром. И не такая плотная – ткань невесомая, почти прозрачная. Нижнего белья, верха по крайней мере, на Зоряне не было. Мало того, что ткань просвечивала, причем на самой грани приличий, так еще то и дело прилегала вплотную, не скрывая очертания тела. Казалось, что может быть необычного в женской груди – но взгляд приковывало без альтернатив.

Убранные в кажущуюся простой прическу волосы Зоряны поддерживала тонкая диадема с лепестками, на руках посверкивали золотые змейки браслетов. А это ведь продолжение утреннего подарка для меня – вдруг пришла догадка. За несколько минут подобный сногшибательный вид не организуешь, особенно свежие цветы в прическе.

– Мадмуазель, вы очаровательны, – снова опередил меня комплиментом Валера, вставая с места и галантно отодвигая кресло рядом с собой. Зоряна первым делом вопросительно глянула на меня. И только после того, как я кивнул, присела по правую руку от Валеры. Возникла пауза, и я быстро представил Зоряну и Садыкова.

- Мадмуазель, вы умеете играть в покер? – поинтересовался он у Зоряны.
- Совсем чуть-чуть, – вежливо улыбнулась девушка.
- Господин поручик?
- Правила знаю немного, – кивнул Садыков.

Оплаченный мною входной билет за стол он воспринял совершенно спокойно. Еще и жестом подозвал лакея и заказал себе коньяка, довольно придирчиво справляясь о наличных марках.

Некоторое время потребовалось, чтобы уточнить правила. Техасский холдем, без лимита, ставки по десять рублей. За дилера выступал Кальтенбруннер, который во время уточ-

нений уже готовился раздавать. Он расположился за моим плечом, и я положил на стол фишку на десять. И поймал вопросительный взгляд Валеры.

– Ты же обещал пару уроков, – усмехнулся он.

– Тебе с азов надо? – показал я удивление. – Без проблем. Перед тем как раздать карты, два игрока перед дилером обязаны сделать вслепую обязательные ставки. Большой и малый блайнды, – кинул я на фишку перед собой и взглядом показал на Садыкова по правую руку от себя, который уже также положил фишку на пять, поставив малый блайнд.

– Дилер двигается по часовой стрелке, так что обязательные ставки понемногу съедают банк игроков, подталкивает к более частому входу в игру, даже без наличий натсовых...

– Что, прости? – поинтересовалась Анастасия.

– Nuts. Конфетка, хорошая рука, – пояснил я незнакомое слово.

Правила игры в покер тут знали все, но никто моего рассказа не прерывал. Валера же слушал с блуждающей на губах полуулыбкой.

– Обязательные ставки вслепую создают стартовый банк, за который необходимо бороться, заходя в игру. Но самый главный урок на сегодня, Валер: в покер играют не ради участия, а для того, чтобы выигрывать.

Увидев «руку» – полученные две карты, я бросил их на стол рубашками вверх, пасуя и даже не участвуя в торговле, открывающей раунд.

– Первый способ выиграть – в любом раунде торговли, повышая ставки, добиться того, чтобы все оппоненты сбросили карты, отказавшись участвовать в розыгрыше. Второй – дойти до вскрытия всех пяти карт на столе и со своей рукой показать лучшую комбинацию в розыгрыше.

На удивление Валера все еще меня не прерывал, с интересом слушая очевидные истины. Анастасия изучала карты и сукно стола, а вот Садыков с Зоряной периодически на меня поглядывали. Зоряна расположилась напротив, и сам я старался поменьше смотреть на нее. А если смотреть, то в лучистые глаза, а не на провокационную просвечивающую ткань. Но почему-то так получалось, что, если я отводил глаза от Зоряны, взгляд наталкивался на Анастасию. Которая также выглядела обворожительно, причем в совершенно другой ипостаси. Даже и не сосредоточиться за таким столом нормально. Поэтому я и перебарщивал с ненужными объяснениями.

Начальные несколько партий ограничились только торговлей, карты флопа – три первые общие карты из пяти, даже не открывались. В розыгрышах несколько раз повышал Садыков, пару раз Анастасия, один раз я позволил себе, блефуя, украсть обязательные ставки. Причем сделал это своеобразным образом:

– Смотри, Валер, я сейчас нахожусь в самой выгодной позиции. Все спасовали, на столе только обязательные ставки, а мой ход последний. И я могу повысить, имея в соперниках только двоих. Что и делаю, конечно же блефуя, – улыбнулся я, кидая на стол три фишки по десять, повышая ставку в три раза.

Ни расположившийся по правую руку Садыков с блайндом в десять рублей, ни сидящий дальше справа Валера с малым блайндом на пять отвечать не стали, и их пятнадцать рублей отправились ко мне. А я ведь действительно блефовал. Рука у меня – разномастные восьмерка и девятка, – не очень подходящие карты, чтобы так уверенно повышать.

Так, объясняя простейшие правила покера и рассказывая о выигрышных комбинациях карт, мы провели еще несколько раздач. Садыков, который «правила знаю немного», обчистил Анастасию и Валеру на двести рублей. Сотню из которых у него блестяще забрала в напряженном розыгрыше Зоряна. Которая тоже умеет «совсем чуть-чуть». В этом мире несколько не отличаются – если перед началом игры на деньги тебе кто-то говорит, что играет совсем немного или вовсе новичок, сразу стоит насторожиться.

Мне карта категорически не шла, и я только наблюдал, как торгуются и играют другие. Несколько раз воровал блайнды, поднимая, но последние два раза пришлось пасовать, когда мне отвечали агрессивными ставками.

– В покере есть такое замечательное понятие, как покер-фейс, – периодически продолжал знакомить Валеру с прописными истинами. – Это означает невозмутимость в любых игровых ситуациях, будь у тебя на руках комбинация из двух тузов либо самая мусорная рука, превратившаяся после флопа в выигрышную комбинацию. Вполне можно блефовать, не сохраняя покер-фейс, при этом демонстрируя эмоции, пытаясь обмануть соперников. Есть и другие приемы... Меня вот, если честно, при игре в покер раздражают игроки, не перестающие разговаривать за столом. А вас? – оглядел я поочередно присутствующих.

Зоряна, которая только что с рукой из двух дам, собрав фулл-хаус, выиграла у Садыкова и Анастасии семьдесят рублей, застенчиво улыбнулась, остальные на провокационный вопрос не отреагировали.

На одной из следующих раздач мне пришли туз и двойка треф. Неплохая рука, к тому же ощутил знакомое чувство, что можно ухватить удачу за хвост. Поэтому сделал рейз – повысил втрое, кинув на стол три фишки по десять рублей. Валера в ответ повысил до ста. Я принял, остальные спасовали.

Одним слитным движением Кальтенбруннер выложил три карты флопа – две восьмерки и король. Ситуация для меня не очень. Пара из восьмерок только на столе, у меня лишь старшая карта, туз. Шанс на выигрыш... невысок, прямо скажем. Потому что, судя по агрессии, карты на руках у Валеры хорошие.

Демонстрируя безразличие, Валера подумал немного и кинул на стол две фишки по десять. Неплохо так, больше пятисот привычных долларов (если из моего мира) по сукну стола покатались. Люблю покер за легкость решений в расставании с деньгами.

– Интересное действие, – обратился я к сидящим за столом. – И вроде повысил, но без агрессии. Вполне возможно, что у Валеры сейчас хорошая рука. К примеру туз и дама, и он не попал во флоп, а сейчас проверяет мою решимость идти дальше в торговле. Но, может быть, у него на руках король, и ситуация для него уже более благоприятная. Даже, возможно, два короля – очень уж он агрессивно вел себя на торговле. А если так, значит сейчас его сдержанность связана с тем, что он просто пытается вытянуть из меня побольше денег, – добавил я, принимая ставку.

С моей неподходящей рукой можно было и скинуть карты, спасовав. Но чувство близкой удачи зудело. Бороться было за что – в банке теперь находилось двести шестьдесят пять золотых рублей. Если на привычные переводить – это больше, чем полмиллиона рублей моего мира.

Кальтенбруннер выложил четвертую карту. Туз.

Теперь на столе лежало две восьмерки, король и туз. У меня теперь комбинация в две пары – две восьмерки и два туза. Лучше, чем было до этого. Но если у Валеры пара королей, что скорее всего, я по-прежнему проигрываю. Валера между тем без раздумий, сохраняя невозмутимое выражение лица, кинул на стол еще двадцать рублей.

– По-прежнему, стараясь меня не напугать, Валера вытягивает деньги, – спокойно произнес я, отвечая на ставку.

Кальтенбруннер выложил на стол пятую, последнюю, карту. Опять туз.

– У-ух ты! – удивился я пришедшей карте. – А теперь, Валер, рассмотрим твою ошибку. Вот представь, что у меня в руке есть туз. И теперь у меня уже фулл-хаус из тузов и восьмерок. Который бьет твой с королями. Если у тебя, конечно, в руке пара королей. А так оно и есть, скорее всего, потому что вряд ли у тебя каре из четырех восьмерок.

– Почему ты думаешь, у него в руке не пара восьмерок? – неожиданно заинтересовалась Анастасия.

– Его агрессия в начале торговли, когда он до сотни повысил. Пара восьмерок не та комбинация, при которой так уверенно себя ведут. Только что Валера совершил ошибку – он мог бы забрать триста рублей банка, просто ведя себя более агрессивно на ставках, заставив меня спасовать. Он же предпочел вытягивать из меня деньги, и мы дошли до того, что теперь он в своей победе не уверен. Потому что у меня может быть туз на руках. Или же я могу просто блефовать.

Отведя взгляд от поблескивающих магией глаз Анастасии, я повернулся к Валере.

– Ты можешь сейчас просто чекнуть либо по своей прежней стратегии кинуть еще двадцать рублей, надеясь на то, что у меня все же нет туза и я сейчас блефую.

Валера, чуть подумав, снова кинул на стол двадцать рублей.

– Во-от, зачем-то выбросил еще двадцать рублей, – протянул я довольно и двинул на стол все свои фишки. – А вот она, вся прелесть покера без лимита. Я иду в олл-ин, Валер. И проверить, блефую я или нет, ты можешь, только рискнув. А риск, как известно, дело благородное...

Валера без раздумий также двинул вперед все свои фишки и следом бросил пару королей.

– ...но не всегда полезное, – открыл я карты, показывая своих туза и двойку. – Продолжать уроки будем? – поинтересовался я, когда Кальтенбруннер сдвинул ко мне все фишки.

– Покупаюсь, – только и ответил Валера. Жестом он показал Кальтенбруннеру, чтобы принес еще фишек, а после коснулся пальцем поднесенного планшета, оплачивая тысячу рублей в банк.

– Самое главное, Валер, не поймать тильт. Это очень паршивое состояние, в которое попадают игроки, которых обыгрывают столь беззастенчивым образом. Кстати, то, что сейчас произошло, для Валеры называется переезд. В том смысле, что его переехали – потому что шанс выиграть при открытии трех первых карт флопа у меня был наверняка даже меньше, чем один к десяти, – пояснил я остальным.

Валера моим словам только усмехнулся, я же осуждающе покачал головой.

– Валер, тысяча рублей для тебя может быть копейками, важен факт проигрыша. Поэтому очень важно чувствовать появление и проявление тильта, чтобы не проигратся вчистую, раз за разом агрессивно входя в игру со средненькой картой. Еще и из невыгодных позиций.

Следующие несколько раздач закончились на фазе торга и воровства блайндов. Потом Зоряна повысила, я подыграл, и она забрала у меня и Анастасии почти полторы сотни рублей. Княжна этому факту очень сильно расстроилась, хотя вида никак не показала. Но я хорошо почувствовал, даже несмотря на ее ментальные барьеры.

Очередной раздачей мне пришли туз и король треф. Хорошая рука, поэтому я снова сделал рейз, повышая ставку втрое, входя в игру. Валера ответил, повышая до ста, я в ответ кинул еще четыре фишки по пятьдесят, повышая вновь. Без раздумий Валера двинул все свои фишки вперед, идя в олл-ин.

Также без раздумий я отсчитал необходимое количество фишек, отвечая на ставку. Снова на кону было около двух тысяч рублей.

При ставках олл-ин всех участников торговли карты сразу открываются, поэтому я бросил на стол свои. Валера также открылся, показывая пару семерок.

– Вале-ера, – расстроенно протянул я. – Ну как так, опрометчиво идти в олл-ин с такими картами... – начал было я его упрекать, но в этот момент Кальтенбруннер слитным движением выложил три карты флопа. Семерка, туз, девятка. Валера улыбнулся – у него теперь на руках был трипл, три семерки, и он сейчас выигрывал против моей пары тузов. На стол легла четвертая карта – еще одна девятка. Теперь у Валеры был фулл-хаус из семерок и девяток.

– Печальная история, – негромко проговорил Садыков, когда на стол легла пятая карта – еще один туз. Теперь уже фулл-хаус из семерок и девяток Валеры был против моего фулл-хауса из трех тузов и девяток. Очередная стопка фишек приехала в мою сторону.

– Жестом подозревая Кальтенбруннера, Валера молча докупился.

– Тилт, Валера, – не забыл я ему напомнить. – Главное, его чувствовать и вовремя выйти из игры. Или хотя бы сделать перерыв.

В следующем раунде торговли мне пришла мусорная рука, и я скинул карты. Зато Анастасия сразу пошла в олл-ин, двинув на стол оставшиеся у нее в банке после проигрыша Зоряне фишки. Рублей на восемьсот, оценил я. Валера без раздумий ответил. Остальные спасовали, и карты вскрылись. Два туза у Анастасии, два туза у Валеры. Да, бывает и так.

Кальтенбруннер выложил первые три карты. Двойка, тройка и валет. Далее на стол лег король. И последняя карта – четверка. Двойка, тройка, король и четверка были червой масти. Как и один из тузов Анастасии.

– Jesus Crist! – не удержавшись, громко воскликнул я. – Мда, прости, Валер, но shit happens, – пожал я плечами под его взглядом.

Да, дерьмо действительно случается. При лучших из возможных вариантов раздачи карт, причем одинаковых – по два туза, как правило после открытия всех пяти карт банк делится пополам, потому что никто не получает выигрышной комбинации. Если только одному из игроков не придет флэш, как сейчас Анастасии – пять карт одной масти.

– Бывает так, что карта просто категорически не идет. В этом случае лучше просто встать из-за стола, потому что это не твой день. У всех бывает, ничего страшного в этом нет... – говорил я, пока Кальтенбруннер вновь раздавал.

Я не успел договорить, потому что Валера, едва глянув на свои карты, бросил все оставшиеся фишки на стол. У меня на руках был туз треф и семерка червей. Подумав немного, я ответил. Нерационально, но, если Валера уже поймал тилт, у него сейчас в руках может быть какой угодно мусор или средненькая рука. У меня же в банке уже четыре тысячи рублей, из которых три – чистой прибыли, поэтому решил рискнуть. На ставку ответила еще Анастасия, также добавив фишек на двести рублей.

Три карты флопа легли на стол. Пятерка, пятерка, семерка.

У меня теперь пара семерок. Агрессивно действуя, я положил на стол еще четыре фишки по пятьдесят. Анастасия молча сбросила карты, не раскрывая. Хорошая рука у нее наверняка, но точно не пара – туз-король, король-дама, и во флоп не попала. Поэтому и рисковать деньгами не стала.

В игре оставались только мы с Валерой, поэтому я приготовился открыть карты, так как он уже пошел в олл-ин и торговаться мне было не с кем.

– Стой! – опередил мое движение Валера. – Я хочу докупиться.

– Валера, нет, – покачал я головой. – Это только в фильмах или книгах докупаются во время раунда, для создания драматического эффекта. Подобное противоречит правилам покера...

– Правила созданы, чтобы их нарушать.

– Есть правила, а есть Правила, Валер. К тому же мы сейчас с тобой не в равных условиях. Преимущество у меня. Если я тебе позволю докупиться – учитывая, что у тебя, вполне вероятно, сильная комбинация, я просто свое преимущество потеряю. И сейчас, учитывая твою уверенность... дай угадаю, у тебя наверняка две пятерки, две семерки или два туза на руках. Так что у меня сейчас выбор – проиграть двести рублей или проиграть тысячу двести, если ты докупишься прямо сейчас.

– Есть вещи поценнее денег.

– Что именно?

– Горнолыжный курорт. Отель спа, две оборудованные трассы с подъемником, посадочная площадка. И расположен совсем недалеко от Холмогор и твоей новой, – со скрытой усмешкой глянул Валера на Анастасию, – усадьбы де ла Шапель.

– Недалеко – это как? Как от Петербурга до Пскова?

– Десять километров, не больше.

– И во сколько ты его оцениваешь? – хмыкнул я и кивнул на все свои фишки. – В четыре тысячи? Даже если так, я не готов просто выбросить четыре тысячи.

– Дороже, конечно. А ты можешь поставить кое-что другое.

– И что?

– Если я выигрываю, отдашь мне Анжелу Шиманскую.

Вот это поворот.

«Кто такая Анжела Шиманская?» – прочитал я беззвучный вопрос во взгляде Зоряны.

– Кто такая Анжела Шиманская? – вслух спросила Анастасия.

Княжна знала лишь урезанную версию недавних приключений в протекторате, а опасный интерес ко мне я обозначил важными документами, которые наемницы-индианки забрали у Герхарда Мюллера.

А решение я, кстати, принял почти сразу же.

– Карты. Рубашкой вверх, – коротко сказал я, глянув на Кальтенбруннера. Управляющий с ходу понял сказанное, положил к картам флопа рубашкой вверх две карты, завершая раздачу раунда, и без задержек вышел из гостиной.

– Анжела Шиманская – это сотрудник патрульной полиции Волынского протектората, которую я эвакуировал из Высокого Града, спасая от смерти.

– Знакомая история, – глядя мне в глаза, хмыкнула Анастасия. – Где-то я уже такое слышала...

Зоряна на слова княжны никак не отреагировала. Сидела она беззаботно откинувшись на спинку кресла, легко улыбаясь. Видно было, что Зоряна просто парит, наслаждаясь жизнью. Столкнувшись со взглядом ее повлажневших глаз, я не удержался и подмигнул.

– Анжела Шиманская, – вновь посмотрел я на Анастасию, – по роду деятельности знает об аспектах деятельности транснациональной преступной группировки, в которой замешаны весьма высокие чины, из Конфедерации в том числе. И Валера хочет больше получить эти знания, чем Анжелу как личность. Я прав?

Отвечать Валера не стал, только руками развел.

– Принимаю, – кивнул я, открывая карты.

Мои туз и семерка легли на сукно стола. Валера также открылся. Все оказалось, как предполагал. В его руке было две пятерки. Сейчас у него каре – четыре одинаковых карты, одна из самых сильных комбинаций.

– Мадмуазель, – с улыбкой посмотрел Валера на Зоряну. – Думаю, у вас счастливая рука. Будьте любезны.

Зоряна в этот раз не стала взглядом спрашивать у меня разрешения. Порывистым движением она оттолкнулась от спинки кресла – так, что на несколько мгновений тонкая ткань отчетливо очертила грудь, не оставляя никакого простора для фантазии. Но лишь на краткий миг, а девушка уже склонилась над картами, так что ее рассыпавшиеся локоны коснулись стола. Коротко глянув на нас обоих, Зоряна вскрыла одну карту. Семерка. И вторую. Тоже семерка.

С десяток секунд в комнате висела тишина. На столе лежали пять карт – две пятерки и три семерки. И с последней открытой картой у меня тоже оказывалось каре. Только из семерок. И моя комбинация, как более высокая по значению карты, побеждала. Как назло – потому что горнолыжный курорт мне, в общем-то, даром не упал, а вот отдать Шиманскую Валере казалось вариантом идеальным.

– Да это какое-то дьявольское везение, – удивленно произнес Валера.

Я и сам удивился. Во всех трех раздачах, в которых мы боролись за банк, после открытия первых трех карт мои шансы на победу были мизерными. Валера же каждый раз имел на руках практически гарантию выигрыша. Но карточные боги думали иначе. Причем в третий раз ставка сыграла вовсе будто назло, я не рассчитывал выигрывать.

– Предлагаю сделать небольшой перерыв, – только и произнес я, как в этот момент по всему зданию раздался грохот. Настолько сильный, что пол заходил ходуном, ближайшую стену встряхнуло, а из камина дохнуло пеплом.

Глава 3

Я вскочил с кресла, не понимая, что происходит. В этот момент распахнулась дверь, и в гостиную забежал Кальтенбруннер с искаженным от ужаса лицом. Он на бегу отрыл рот, собираясь что-то прокричать, но не успел – пиджак на его груди вдруг натянулся, разрываемый длинным костяным лезвием. Насаженный, как бабочка, на брошенное в спину копьё управляющий плюнул кровью, а его тело швырнуло вперед безвольным болванчиком.

Следом за управляющим в проеме двери появилось сразу несколько монстров, отдаленно напоминавших мутировавших людей – безволосые и чешуйчатые, как у рептилий, тела, костяные гребни на руках. Это были гости из Тьмы – понял я, едва глянув в черные провалы глаз. Один из монстров ощерился длинными клыками и вдруг стремительным прыжком с места бросился прямо на меня.

Чешуйчатая тварь не долетела – мелькнула ледяная стрела, заставив монстра на краткий миг остановиться в воздухе. В этот момент я успел заметить в раззявленной пасти широкий язык, густо усыпанный короткими шипами. Таким по незащищенной коже попадет, до мяса снимет. От удара ледяной стрелы пасть захлопнулась, а чешуйчатое тело улетело обратно в дверной проем, сбивая второго монстра, запоздавшего с прыжком за мгновение. Но через покотившуюся по полу пару бросился еще минимум десяток монстров. В большинстве гуманоиды, самые разные – впечатление, словно открылись ворота преисподней, выпуская обитателей. Объединяло атакующих одно – двигались они стремительно, со слепой яростью. Причем настолько сильной, что упавшие под ноги набегающей толпе тела человекоподобных ящеров оказались разорваны когтями набегающих тварей.

От ошеломительного натиска нас спасло то, что беснующаяся в жажде убийства толпа толкалась в дверном проеме, мешая друг другу. Анастасия, пользуясь заминкой тварей, запрыгнула на стол и вскинула руки с глухим стоном, словно поднимая что-то невидимое, но тяжелое. Краткий миг, и энергия в ее руках сгустилась, превращаясь в налитый силой комок с ледяным отсветом. Пронзительно вскрикнув – как бьющая по мячу теннисистка, Анастасия метнула сформированный шар в набегающую толпу. Снаряд промелькнул, на пути разорвав в клочья сразу несколько тел, и взорвался в дверном проеме, превращаясь в массивную ледяную стену от пола до потолка.

С обратной стороны послышался истошный вой и скрежет, грохот разрываемых когтями перекрытий стен – собравшаяся толпа инфернальных монстров отступать не собиралась. Оглянувшись за краткий миг, я вдруг понял, что мы сейчас в самом сердце поместья, и оперативно может отреагировать на столь внезапное нападение только охрана. А не казаки, которые заняли позиции по периметру парка и на соседних холмах.

Судя по всему, Валера думал так же. Он уже был рядом со своим контейнером, крышка которого поднималась. Но едва принц протянул руку к шлему – явно намереваясь подключиться к тактической сети, запросив помощь, как стена, у которой он стоял, брызнула каменной крошкой. Исчезли в пыли развешанные охотничьи трофеи, разлетелись ошметки кирпича и штукатурки, кеглей пролетел мимо Валера, сбив в полете пару кресел.

Из пробитой в стене огромной дыры на нас бросилось сразу с десятков гончих, каждую из которых покрывала пелерина мрака: твари были облеплены сгустившейся тьмой. Зазвенел лед – сразу сотня, не меньше, ледяных клинков веером устремились навстречу атакующей волне. Это было нечто – Анастасия смогла сформировать самый настоящий смертельный шквал. Вот только эффект оказался не таким, как я ожидал. Лишь первые гончие покатались по полу, разрываемые на части, вторая волна просто приостановилась, часть упала, а позади уже выли и рычали, захлебываясь злобой, остальные.

Рядом мелькнул белый росчерк туники. Контейнер Валеры, также откинутый взрывом от стены, проехался по полу и оказался совсем рядом с Зоряной. Девушка бросилась к упавшему на бок ящику, достала шлем и бросила его поднывавшемуся на ноги Валере. Успела в последнее мгновение – из клуба пыли и вихрившей в нем темной пелены выскочило щупальце, хлестнув Зоряне по плечу, опускаясь наискось сверху вниз. Девушку перерубило пополам почти до пояса, и я в остановившемся мгновении столкнулся с недавно такими лучистыми глазами.

За спиной раздался очередной пронзительный крик Анастасии – и снова зазвенел лед, только в этот раз заклинание было направлено на Зоряну. Энергетический сгусток ледяного пламени ударил прямо в плеснувший из перерубленной груди поток крови. Ледяное пламя загустело, обволакивая потеками голубой лавы фигуру девушки. За краткий миг возникла глыба, внутри которой оказалась спрятана Зоряна, в чьих глазах еще теплилась жизнь. Причем лед, сковавший ее, был настолько чистым, что я отчетливо видел и перекосившее от боли и ужаса лицо, и застывшие в мгновение потоки крови, бьющие из страшной раны.

Захлопал под ухом пистолет – начал стрелять Садыков. Выстрелы раздавались гулко и протяжно-неторопливо, словно в выкрученном на максимальную громкость замедленном воспроизведении. В реальности поручик стрелял очень быстро, но я сейчас уже существовал в ускоренном времени.

Пули били рвущимся к нам гончим в грудь, но не убивая. За каждым следом выстрела я видел энергетический след – патроны у поручика непростые, усиленные магией. Но окутавшая тварей пелена легко тормозила пули. Клубившийся вокруг хищных тел мрак при попадании словно превращался в твердеющую вязкую массу, а попадания только отбрасывали гончих. Полетели ледяные стрелы Анастасии, но этого было мало – следующая за гончими тьма, густая и плотная, как чадающий дым от горящих покрышек, неумолимо и стремительно – даже в ускоренном для меня времени, напознала.

Краем глаза заметив, как Валера надевает брошенный Зоряной шлем, я – повинуюсь наитию, бросился вперед, прямо в черную пелену. Уходя от прыгнувшей в ноги гончей, подпрыгнул. И, преодолевая сопротивление не желающих подчиняться тела и пространства, изогнулся невероятным образом, избегая клыков второй бросившейся твари. Приземлился на остатки камина, едва не насадившись на смятую металлическую решетку, перекатился через плечо и взвился в прыжке вновь, в этот раз уходя от зубов сразу трех тварей.

Оказавшись в самой Тьме, зрение не потерял. Видел сейчас все словно в серых оттенках, как во время путешествия в изнанку. Совсем чуть-чуть по-другому – как в тепловизор смотрю, и более размыто.

Предчувствие, погнавшее меня вперед, не обмануло – в центре зала заметил худую согбенную фигуру. Вытянутое безносое лицо, лишенное какого-либо выражения, странные нечеловеческие глаза. Несомненно, когда-то это был человек, но сейчас при виде этого существа так и просилось определение «лич».

Подскочив ближе, я вложил в удар всем телом. Непривычно большие и овальные глаза удивленно расширились – с момента решения прыгнуть во Тьму в обычном времени не прошло и секунды. Моя скорость стала для лича неожиданностью, и сделать он ничего не успел. Только заметить, причем в последний момент.

Когда кулак коснулся подбородка странного существа, я отчетливо почувствовал, как трещат кости. Голова повелевающего гончими лича повернулась под неестественным углом, выбитая челюсть отделилась от черепа, удерживаемая лишь тонкой кожей, прорванной в нескольких местах треснувшими костями. Еще через мгновение часть головы просто улетела в сторону. Очень хрупкая телесная оболочка у лича оказалась, как фигура из папье-маше, я совсем не ожидал такого.

Время вернулось к привычному бегу, эхом раздалось противные звуки рвущейся плоти, а меня всего перехлестнуло омерзение касания к чему-то донельзя грязному. Почти сразу

послышалось чавкающее хлопанье – черная пелена, через туман которой я пробился в прыжке, даже не заметив, в местах предельной концентрации превратилась в густую вонючую жидкость, крупные капли которой сейчас шлепками падали на пол. Несколько оказавшихся рядом гончих рядом потеряли пугающую резкость. Они еще двигались, но, лишившись темной пелены, напоминали давно гниющие трупы. От вставшей в воздухе вони меня чуть не вывернуло. Так может пахнуть в квартире с наглухо закрытыми окнами, где месяц лежало разлагающееся на жаре тело.

Костяшки правой руки жгло, и очень неприятно – как будто плеснули раскаленного масла. Но, не обращая внимания на боль, я развернулся и через клубящиеся лоскуты остатков Тьмы выбежал обратно в гостиную. Здесь уже частично упала воздвигнутая княжной ледяная стена, а сквозь зазоры между разрушаемой стеной и крошащимися краями глыбы пробирались чешуйчатые твари с костяными мечами.

Гулко гремели короткие очереди – Валера в шлеме и с автоматом в руках отстреливал оставшихся в кондиции гончих. На них пропала защитная черная пелерина, и теперь они просто напоминали собак-нежить. Пострашнее обычных бойцовых, но не слишком прыткие. Пули косили их одну за другой. Особо борзую гончую, которая уже прыгнула в ногу Анастасии, Садыков снял в полете за миг до того, как клыки коснулись белой кожи девушки. Короткая пауза на замену магазина, и вновь методично захлопал пистолет: Садыков начал выбивать пробивающихся через прореху между преградой и уже частично разрушенной стеной монстров.

Я посмотрел на Зоряну, заключенную в ледяной плен. Пять минут живет мозг без кислорода. Если в ледяном резервуаре, еще дольше. Все будет хорошо – только и сказал я сам себе.

Валера между тем сорвал с головы шлем. Часть кожи у него на скуле была содрана пластом и болталась у шеи, обнажая кость, – прилетело в момент взрыва стены, видимо. Встретившись со мной глазами, принц взглядом показал, что поднял тревогу.

В следующие мгновенья произошло сразу очень много событий. Преграждающая обитателям преисподней путь стена упала, разлетаясь мириадами осколков. Сквозь расширенный проем двери, падая и оскальзываясь на ледяных глыбах, бросились многочисленные твари. Их уже было гораздо больше, чем совсем недавно. Они напирали по ледяным глыбам разрушенной преграды с животной яростью, запрыгивая друг другу на плечи, стремительно вваливаясь в гостиную, словно вспененное шампанское из бутылки с выбитой пробкой.

Ударила длинная, на весь магазин, автоматная очередь, зачистил пистолет Садыкова, Анастасия с двух рук кидалась ледяными стрелами, отбиваясь от волны атакующих. Но по сравнению с ледяным вихрем, остановившим подобный порыв гончих, выглядело бледно – силы у княжны уже на пределе.

Пытающийся поменять магазин Валера, находящийся поодаль от нас, очень быстро оказался в кольце тварей. Сам я в это время уклонился от костяного меча, упал на пол и потерял принца из вида. Не пытаясь встать, я подсек массивную ногу подпрыгнувшего ко мне существа, похожего на гориллу с металлической чешуей. И только продолжая движение, я извернулся на спине, поднимаясь слитным движением. Вот только не учел наличие у сбитой с ног твари хвоста, заостренный конец которого метнулся мне в лицо. В последний момент успел отшатнуться, и мне лишь вскользь чиркнуло по лбу и брови. Хлынувшая кровь сразу залила глаза, я на миг потерял концентрацию и почувствовал ком паники. Но вместо того, чтобы попытаться добить, пользуясь замешательством, гориллоподобная тварь, игнорируя меня, бросилась на княжну. Длинные зубы вытянутой пасти щелкнули совсем рядом с рукой девушки – я успел перехватить монстра за хвост. И, развернувшись как метатель молота в разгоне, подправил направление полета монстра, отправив его под ноги набегающей группы змеевидных гуманоидов с костяными мечами.

И тут же на инстинктах ушел в сторону. Почувствовал легкое касание – мне едва не снесло голову, чиркнув по волосам. Перехватил следующий, падающий сверху, костяной меч

прямо за волнистое, как у фламберга, лезвие, вырвал его из руки уже оказавшегося рядом следующего монстра. Мечи у костяных ящеров оказались плоть от плоти – успел увидеть я шлейф крови за ломающейся костью изогнутой руки, перед тем как снес атакующему голову его же мечом. Но освободившееся место заняло сразу трое, причем мешая друг другу, а я в последний миг успел уклониться от ядовито-зеленой струи, которая приснула мне в лицо.

Поодаль, за спинами атакующих монстров, слышалась густая стрельба – к нам пытались пробиться находящиеся в особняке неасапианты охраны. Я даже увидел мельком в дальнем конце соседнего обеденного зала дульные вспышки и несколько фигур в красно-черной броне цветов рода Юсуповых-Штейнберг.

Неподалеку раздался громкий крик боли – над Валерой сгрудилась толпа монстров, мешая другу, пытаясь пригвоздить парня к полу мечами. Кричал он потому, что кто-то ему все же попал, вскрыв бок глубокой раной. Отвлекая, на лицо щедро брызнуло кровью, и слышался пробирающий душу хрип: под ноги мне рухнул Садыков с перерубленной шеей, зажимая страшную рану руками. Ударив снизу вверх, перерубая через пах бедро убившего Садыкова демона, я левой рукой подхватил его упавший пистолет. И, отвлекаясь на крик Валеры, успел выстрелить в одного из монстров перед тем, как тот пригвоздил потерявшего от боли ориентацию принца к полу. Вытянутая голова с переходящей в гребень позвоночника костяной косой взорвалась, патроны кончились, а рядом с Валерой было еще два ящера. Дальше я не видел – потому что сначала ледяная стрела Анастасии, а после собственная реакция спасли меня от смерти.

«Это конец», – равнодушно подсказал мне внутренний голос.

Правильно подсказал – потому что вокруг уже были десятки монстров, вал которых лез и лез через двери, оскальзываясь на телах и крови, пробираясь через оставшиеся от ледяной преграды глыбы. И все они стремились к не перестающей кидать ледяные стрелы Анастасии. Действуя вырванным из монстра костяным мечом как дубиной, я вывел из строя двух тварей – одному отрубив ногу, второму разmozжив голову, но сразу после споткнулся об уроненное кресло. Это меня спасло. Очередная ядовитая струя пролетела прямо надо мной, в том самом месте, где только что была моя голова.

Пытаясь подняться, я оскользнулся на чужих вываленных внутренностях, со злым воплем завалившись навзничь. И увидел, как выпрямилась на качающемся столе Анастасия, вскинув вверх руки. Не попавшая в меня ядовитая струя ударила в княжну, но яд бессильно стекал по внешнему стихийному щиту. Анастасия в этот момент запрокинула голову и пронзительно закричала. Судя по надрыву истошного крика, выплескивая вместе со злостью все свои силы. Это... все?

Вместе с криком у княжны за плечами появились сотканые из чистой энергии крылья. Тот самый дракон, который в виде живой татуировки змеился у нее на спине. Он вдруг материализовался над Анастасией, многократно увеличиваясь в размерах. Обретшая плоть голова вдруг плюнула опаляющим холодом пламенем, сжигая набегавших на нас тварей и монстров десятками, превращая их в истончившиеся скелеты. Не попадающий на тварей ледяной огонь превращался в колкие глыбы с бритвенно острыми краями, загрохотали сносимые стены, просел потолок. Зато толпа монстров вокруг просто перестала существовать.

В наступившей на краткий миг тишине я с необычайной четкостью услышал, как бесильно вздохнула Анастасия. Упала она там, где стояла, безвольно сложившись на покосившемся столе, подтянув ноги в груди. Уменьшившийся в размерах дракон опустил над ней, закрывая девушку крыльями – как птица прикрывает птенца. Рухнула сверху люстра, попав в одно из крыльев дракона и соскочив на пол, не причинив княжне никакого вреда.

Мне попало падающим булыжником по плечу, но я даже почти не заметил боли. Еще ничего не было кончено: пока падала с потолка штукатурка с лепниной и оседали стены после

выступления дракона, в соседних залах слышалась стрельба. Не все монстры и демоны, оказавшиеся в здании, еще были убиты. К счастью, рядом никого не было... Или было.

Почувствовав холод опасности, я заполошно осмотрелся. И увидел, как из груды трупов поднимается темная тварь. Еще один, незамеченный мною ранее, лич, который сейчас впитал эманации смерти и необычайно усилился. Вот только первый был когда-то человеком, а именно этот нет – один из змеевидных монстров. Бросившись вперед, худая, гибкая тварь размахнулась костяным мечом, нацеленным в лежащую без чувств Анастасию.

Силы в вобравшем энергию смерти монстре чувствовалось столько, что сомнений не было – защиту в виде крыльев ослабевшего дракона он прорвет.

Время вновь замедлилось, когда я бросился наперерез. Но ящер находился с другой стороны стола, и я просто не успевал. В животе за доли мгновения ухнул клубок обреченного страха, но за миг до того, как темный клинок упал на беззащитную княжну, на пути лича встал Кальтенбруннер. Управляющий, в груди которого торчало костяное копье, был еще жив. В суматохе он подполз к столу, а сейчас из последних сил успел подняться, принимая на себя предназначенной Анастасии удар.

Тело Кальтенбруннера просто перестало существовать, буквально сожженное темным пламенем, но угол падения клинка чуть-чуть изменился – и острое не пробilo ледяную защиту крыльев, скользнув по ним. Темный клинок почти сразу упал на пол – я уже был рядом, отрубив руку на миг замешкавшемуся принявшему одержимость Тьмой ящеру.

Я ошибся. Надо было бить в голову, как в первый раз: хлестнувшая из отрубленной руки кровь превратилась в щупальце, которое метнулось ко мне. Инстинктивно я его отбил, но черная плетка обвилась вокруг костяного лезвия, словно бьющаяся в ярости гадюка.

Резко потянув меч назад, я хотел притянуть лича к себе, но этот поединок проходил совсем без правил: щупальце отделилось от обрубка руки и петля захлестнула мне шею. Сдавило так сильно, что дыхание перехватило, в глазах потемнело, да и вообще возникло чувство, что они сейчас покинут глазные впадины. Запаниковав, я инстинктивно вцепился в стягивающую шею петлю, но пальцы лишь бессильно скользили по холодной черной чешуе.

Улыбаясь безгубым ртом, змеелич сделал шаг ближе, глядя мне в глаза. В голове зашумело. Тварь явно пробивала ментальные барьеры – или для того, чтобы что-то сказать, или просто желая выжечь мне мозг. Мелькнуло черным росчерком, и вдруг истончившуюся и ставшую какой-то склизкой фигуру снесло. Змеелич упал, белесая бескровная плоть полетела клоунами, а голова исчезла в пасти черной пантеры. Только по тому, что на боку хищника была глубокая рана – я видел, как ходят под разошедшейся кожей жгуты мышц, понял, что это Валера. Оборотень Валера. Который только что зубами оторвал личу голову.

Безвольная кучка плоти, только что бывшая устрашающим существом, мгновенно превратилась в мутное нечто, похожее на подтаявшее крем-брюле. Завоняло опять омерзительно, но я почти не обратил внимания – хрипло вздохнув, с наслаждением вдыхая даже такой вонючий воздух. Со смертью лича умерло и щупальце, и я, едва вздохнув в первый раз, с трудом шевеля ослабевшими руками, отбросил в сторону склизкую черную плеть.

Воздух как-то вдруг даже погустел. Казалось, над головой прошла металлическая коса смерти. Но свист пуль воспринимался с невероятным облегчением – кавалерия, черт ее подери, наконец-то прибыла. С трудом отталкиваясь пятками, я – все еще хрипя, кое-как дополз до стены и принял полусидячее положение.

Через пять-семь вдохов – давших с трудом, я поднялся. Сквозь пыльную завесу от наполовину обрушившегося потолка было видно, как мелькают лучи лазерных прицелов, горят красным огоньки на глухих шлемах персидских казаков. От заплонивших здание демонов и монстров остались сущие горстки, и последние твари уже умирали один за другим.

Прибывшие на подмогу воины были в песчаного цвета доспехах, по которым бегали истончаемые полосы исчезающей призрачной ауры. А это и не кавалерия; это пластуны, которыми в некоторых странах Азии детей пугают. Чуть по-другому называя, правда.

Сотканный из голубой энергии дракон, прикрывающий бесчувственную Анастасию, между тем понемногу истончался. Вдруг один из еще живых монстров, здоровый демон, отдаленно напоминающий минотавра из легенд, выбежал из глубины здания и, раз за разом прошиваемый пулями, побежал к княжне. За считанные мгновения в его груди появилось не меньше десяти сквозных дыр, из которых выбивало плоть, но он в последнем усилии занес когтистые руки над княжной. Опустить не успел – он уже был в прицеле десятка казаков, и его верхняя половина тела перестала существовать. А сложившиеся рога и ноги улетели прочь, потому что над Анастасией появилась защитная сфера, которую удерживала белая целительница. В сферу же ударило и несколько пуль, с разочарованным визгом рикошета разлетевшись по сторонам.

Елена Николаевна. Сестра княгини, уже не являющаяся человеком, обладающая невероятной силой. В моих недавних планах именно ее присутствие шло за скобками, но внушало дополнительную уверенность. Такой обитатель, почти полубог, в поместье, как я считал, – просто гарантия защиты.

А в итоге? – с неподдельной горечью посмотрел я на целительницу.

Рядом с громкими звуками исторгал из себя ужин Валера. Он одновременно старался сделать это как можно скорее и как можно осторожнее – вид раны на его боку неподготовленного человека мог бы отправить в обморок. К тому же превратившийся обратно из зверя в человека принц был заляпан вонючей жижей, оставшейся от убитого им лича. Ну да, если бы я такой твари голову откусил, меня бы тоже вывернуло – отвел я взгляд от неприглядного зрелища.

Рядом с Зоряной уже стояло несколько бойцов. Один из них что-то кричал, жестикулируя. Я слышал его слова, но не понимал – в шоке глядя на перерубленное тело девушки, спрятанное в ледяной глыбе.

Пять минут живет мозг без кислорода. Это не точно, это где-то слышал в прошлой жизни. В ледяной глыбе времени, возможно, будет больше – еще раз сказал я себе.

Трое казаков склонились над Садыковым. Поручик еще был в сознании, потому что с момента, как ему перерубило шею, прошло ведь всего несколько секунд. С того момента, как я бросил туз и семерку на стол, – меньше минуты. А кажется – вечность. Тем более кажется, что я сейчас двигаюсь опять опережая время... а почему?

Не совсем понимая, почему я вновь оказался быстрее времени, я видел и осознавал, что обращение казака рядом с Зоряной достигло цели – стоящая подле княжны целительница едва взмахнула рукой. Спрятавшая девушку ледяная глыба треснула, осыпаясь миллиардами осколков. Окровавленная фигурка обмякла, но ее сразу подхватили руки казаков. Вспенился биогель, замелькали раскрываемые аптечки. Сразу три фельдшера пытались удержать жизнь в кажущейся сейчас такой хрупкой фигурке.

Отводя глаза от Зоряны, я не сразу посмотрел на целительницу. Взгляд зацепился за лакированный ботинок: то, что осталось от Кальтенбруннера, лежало наполовину за границей затухающей белой сферы. Вот так вот, не уважал я управляющего, а он взял и выполнил свой долг, как его представлял, до конца.

«Как вы вовремя, мадам!» – примерно так хотелось мне сказать белой даме. И мне было бы сложно удержаться от этих мыслей, если бы не умирающая Зоряна. «Помоги!» – не в силах сдержаться, мысленно обратился я, поймав взгляд светящихся белым глаз.

Целительница лишь отрицательно покачала головой. Я от ее жеста вздрогнул, как от неожиданной оплеухи – не понимая, почему столь сильная сущность вообще допустила разрушение главного здания поместья и поставила жизнь княжны на самую грань. Ведь то, что Анастасия выжила, казалось чудом. Особенно если вспомнить безумный напор предпринятой

атаки. И учитывая, что вся темная рать хотела именно смерти княжны, – вдруг понял я очевидную вещь.

В этот момент целительница оказалась совсем рядом. Она переместилась словно скачком в пространстве, незамеченной вспышкой. Даже с учетом того, что я сейчас существую опережая течение времени. Весь остальной мир вокруг застыл, а белая дама положила руку мне на плечо и заглянула в глаза. Я сразу почувствовал, как собственное тело перестает повиноваться. Я будто останавливался вместе с замершим временем. Но длилось это краткое мгновение. Меня затащило взглядом белесых глаз словно в воронку водоворота. Отделенный от тела дух вывернулся, как выжимаемая вручную простынь, и вдруг прынул вверх запущенным катапультой снарядом.

Резкий взлет остановился на высоте полутора сотен метров, и я глянул на усадьбу с высоты птичьего полета. Но не успел даже присмотреться к особняку, оценивая последствия нападения, как взгляд против воли сфокусировался в низине поодаль. Там, где в густой тени раскидистого дуба взвихрился небольшой смерч, превращаясь в портал. Из арки которого вышло десять человек в серой униформе конфедератов без отличительных знаков. Один из них повернулся лицом к усадьбе и слитным движением вобрал в ладони оставшийся от портала угасающий вихрь. Вскинув руки, мужчина подкинул формирующийся смерч над головой, но не отпуская далеко, удерживая его незримыми нитями, словно воздушного змея. Совсем недавно небольшой смерч принялся расти, срывая с деревьев листву и заставляя ветви беспорядочно качаться. Я понял, что сила набирающего размер вихря такова, что легко уничтожит вековой дуб, но смерч уже поднимался выше.

Остальные девять человек в это время рассредоточились вокруг главного. Его окружило трое, за каждым из которых расположилось по двое, встав на колени. Один из них задержался, прежде чем присоединиться к конструкту: вскинув руки, одаренный начал делать пассы, словно закручивая воздух вокруг себя. Несколько мгновений, и создаваемый коллективный конструкт оказался накрыт куполом колеблющегося воздуха, а после вся группа исчезла, как мираж в пустыне. Это не было защитным куполом, последний одаренный просто создал оптическую иллюзию, скрывая группу повелителей стихии под пеленой невидимости.

В самый последний момент, перед тем как одаренные в сером исчезли с чужих глаз, я успел рассмотреть лицо главного. Его сиятельство князь Михаил Сергеевич Власов, глава рода Власовых, приезжавший вернуть отобранный мною у Антона Аверьянова перстень. Вот и делись снова.

Повелители воздуха использовали построение, называвшееся усиленный триквентр Симона, позволяющее концентрировать энергию; это было не мое знание, а знание белой дамы. А еще у меня было ее знание того, что увиденная мною картина – это прошлое, уже свершившееся. И сейчас вся мощь создаваемого десятком одаренных смерча вот-вот готова ударить в поместье. А самое главное, я знал, что и как должен сделать.

Но знать и делать – разные вещи. Я снова словно оказался перед пропастью и натянутой через нее веревкой. Казалось бы, что может быть проще – держи центр тяжести тела в вертикальной плоскости и просто иди вперед шаг за шагом. Тем более что я умею это делать. Вот только в отличие от прошлых знаний, полученных от Олега, сейчас порядок действий подсказала мне белая целительница.

Воспарившее сознание рывком вернулось в тело, и я вдруг понял, что все еще нахожусь в остановившемся мгновении времени. Целительница по-прежнему рядом с Анастасией, все еще осыпаются мириады осколков ледяной глыбы, а Зоряна падает на руки фельдшеров. Тот самый вихрь, который выкрутил меня бешеным водоворотом из тела, получается, провернул меня по краю временной воронки, вернув в точку, где я уже был.

– Валера! – закричал я, одновременно пнув что-то, что когда-то было частью тела одного из монстров. Окровавленный ошметок плоти ударил все еще пытавшегося избавиться от ужина Валеру в плечо, привлекая внимание ко мне.

– Валера, за мной, погнали! – крикнул я, причем весьма убедительно.

Почувствовал на себе скрестившиеся взгляды казаков, кто-то из них даже оружие поднял и на меня направил. Видимо, я сумел произвести впечатление эмоциональным посылом. Но мне сейчас было не до этого. Резким жестом призывая встать поднявшего голову принца, который смотрел на меня с неприкрытым недоумением, я глубоко вздохнул, потянувшись к расплесканной вокруг силе.

Тьма, совсем недавно клубящаяся густой пеленой, со смертью первого лича утратила концентрацию энергии. Но она никуда не исчезла. Среди клубов пыли мелькали темные языки постепенно растворяющегося чернильного мрака.

К клубившимся вокруг лоскутам я и потянулся, собирая остатки Тьмы, словно капельки раскатившейся ргути. Причем, в отличие от первого лича, который пустил впереди себя пелену, я собирал Тьму в тугой концентрированный клубок, словно жидкий воздух. Даже не клубок, а скорее нечто вроде выющейся вокруг кистей и запястий плетки, сжимая и концентрируя ауру. Тьма собираться не хотела. Преодолевая сопротивление, мне пришлось приложить неимоверное усилие. В глазах потемнело, по позвоночнику ударила боль, над глазами нависла тяжелая пелена, а каждый удар сердца отдавался изнутри в череп, словно бьющий в колокол молот.

Валера, который к темным искусствам имел отношение, прекрасно видел, что происходит. Не обращая внимания на рану, он поднялся на ноги. Держался при этом, правда, чуть кривовато.

– Погнали, – беззвучно крикнул я ему и выбежал из гостиной.

Принц, который увидел и понял, что именно я сделал с остатками рассеянной Тьмы, даже не стал спрашивать, куда и зачем бежим. И казаки только прянули в стороны, когда мы вместе с ним промчались мимо.

Миновав два зала, мы выбежали в крытую галерею и побежали по трупам – здесь принял бой Андре и возглавляемые им неасапианты охраны. И, как я заметил мельком, монстров и демонов здесь было даже больше, чем та, казавшаяся плотной, толпа, что смогла добраться до нас со стороны другого крыла здания.

Перескакивая через многочисленные изрубленные пулями тела, среди которых то и дело попадались погребенные под массой фигуры в красно-черных доспехах, я вошел в скольжение, кожей чувствуя, как утекают драгоценные мгновенья. К лестнице поворачивать даже не стал, вышел через широкую арку окна, разбив витражное стекло. Валера прыгнул следом, обращаясь в полете и приземляясь на землю, падая уже на четыре лапы.

Несмотря на скольжение, плечи вдавило: сверху на нас падало само небо – огромная воронка смерча, который как раз в этот момент коснулся поместья, как бритвой сметая крышу. В ушах у меня еще со времени контакта с целительницей стоял глухой гул, отсекая все звуки, поэтому я ничего не слышал. Но, наверное, это было громко – подумал я, глядя как часть крыши валится на парадное крыльцо одновременно с разрушаемой стеной.

Не обращая внимания на уничтожающий здание смерч, я бежал вперед. Хищный черный ягуар, в которого превратился Валера, не отставал, стелясь над землей рядом. Повинуясь полученному недавно знанию, я махнул левой рукой в сторону хищника – и Тьма сорвалась с моей руки, накрывая зверя. Так же, как были совсем недавно прикрыты пеленой чернильного мрака атакующие нас гончие.

Ягуар едва не упал, сбившись с шага, – я кожей ощутил вопль боли Валеры. Но он справился. Хищник, обьятый черной пелериной, продолжал стелиться над землей, едва касаясь

поверхности мощными когтистыми лапами. Бежали так, что, наверное, сейчас мы обогнали бы всех гепардов.

Замелькали деревья, превратившись в смазанные росчерки, и через несколько секунд мы оказались в низине рядом с приметным дубом, у которого была сорвана часть листвы. Я ринулся вперед на памятное место, скрытое куполом невидимости, даже не думая. Перед примерной границей купола взвился в воздух, словно оттолкнувшийся с отсечки прыгун после разбега. С одним отличием – спортсмены не заносят объятую Тьмой руку для удара.

Создавшие коллективный конструкт одаренные возникли перед глазами неожиданно. Купол невидимости размерами не впечатлял, и у меня не было времени даже сориентироваться – я просто ударил в спину ближайшему. Кулак легко пробил внешний щит неготового к атаке одаренного, сминая в кашу позвоночник и ребра. Не прекращая движения, я зарядил ребром ладони в основание шеи одному из ближней тройки, что была рядом с Власовым, контролирующим заклинание. Голову просто сняло с плеч, а по всей группе побежали словно электрические разряды. Черный хищник рядом со мной за мгновение до этого вырвал горло одаренному внешнего круга, выполняющего роль энергетических сосудов, и так же, не останавливаясь, сбил с ног уже второго из ближней тройки, поддерживающей управляющего всем конструктом Власова.

Вокруг за доли мгновения сгустилась чистая сила. Словно пружина, вот-вот готовая распрямиться. Мы с Валерой сейчас инициировали что-то схожее с тем, что можно добиться, придя в тесный моторный отсек идущего на форсаже торпедного катера и начав рубить лопатами проводку и шланги высокого давления. В подтверждение моей догадки последний одаренный из окружающей Власова ближней тройки просто взорвался, за миг превратившись в густую взвесь из мелких капель крови и плоти.

«Как предохранитель сработал», – мелькнула у меня мысль перед тем, как в грудь ударило воздушным молотом и я взлетел вверх, с неожиданным удивлением заметив под собой верхушки деревьев.

Глава 4

«Солнышко в ногах, это значит вниз помчалась я...» – напел внутренний голос на мотив популярного хита девяностых. Даже несколько раз успел напеть, потому что время текло в ставшем уже привычным замедленном движении.

Страшно не было – потому что знал, что сейчас надо делать. Но... да, было страшно. Самому себе можно признаться, все же не каждый день падаешь с высоты пятого этажа. Пусть и в заторможенном, как тягучая патока, моменте времени.

Усилием воли справившись с паникой, я извернулся в полете. Как раз успел увидеть исчезающего в портале Власова. И еще увидеть, как мигом позже на месте схлопнувшейся серой арки сходятся многочисленные следы трассирующих пуль: за нами с Валерой, как оказалось, следовало несколько десятков казаков. Которые, едва пропал маскирующий купол, без раздумий начали стрелять во всех, кто против нас.

Сам Валера, кстати, в отличие от меня остался на земле. Рожденный бегать летать не может: оставляя за собой глубокие борозды, черный ягуар скользил от места взрыва задом наперед, вцепившись в землю когтистыми лапами.

Воздушный молот, который, как показалось сначала, ударил именно мне в грудь, не был направленной атакой. Это оказалось эффектом взорвавшегося предохранителя. Причем отбросившая нас волна не ударила, а скорее мягко толкнула, раскидывая в стороны. Вот только волна эта почему-то не подействовала на Власова, который сумел сориентироваться быстрее всех и уйти подготовленным порталом.

Разворачиваясь по инерции в падении дальше, я рассмотрел здание поместья. Смерч – с разрушением поддерживающего его конструкта, угас. Отдельные вихри еще клубились, падали на землю остатки черепицы, веток деревьев и даже поднятая безжалостной стихией мебель.

От главного здания целыми остались только крылья, центральная часть превратилась в руины. Среди которых отчетливо виднелся немалых размеров белый купол. Оставшаяся в гостинной целительница сформировала мощную защиту, прикрывая бесчувственную Анастасию. А также Зоряну, Садыкова и оставшихся на месте казаков.

Проворачиваемый вокруг моей оси мир между тем вновь повернулся, и я наконец увидел перед глазами приближающуюся листву. В замедленном темпе несколько тонких веток хлестнуло по лицу – я только глаза прикрывал, шурясь. Двигался все так же медленно, в ускорившемся для меня моменте времени.

Словно преодолевая сопротивление воды на большой глубине, я усилием схватился за ближайшую ветку, пытаясь удержать скорость падения. Когда в неторопливо тянущемся мгновении увидел рвущуюся на месте слома кору, ветку отпустил. Сразу поймал ступней вторую, более крепкую, и уже потянулся руками к следующей. Для этого пришлось постараться, изогнувшись, как избегающий контакта с перекладиной спортсмен по прыжкам в высоту. Только вот в отличие от спортивных прыжков перекладин вокруг было очень много, а неудобств добавляли хлещущие по лицу тонкие ветви и листва.

Поймав следующую крепкую ветвь уже двумя руками, я попробовал остановить падение, постепенно преодолевая сопротивление гравитации. В тот момент, когда почувствовал, что сейчас от рывка – от рывка в обычном течении времени – вывернет плечевые суставы, ветку отпустил. И заметил, что замедлившееся для меня время постепенно ускоряется. Но скорость падения, к счастью, уже успешно сумел погасить. Еще несколько ветвей на пути вниз, возвращение к привычному течению времени и толкнувшая в ступни земля. Неудобств – как от прыжка с высоты в пару метров.

Я сделал это! – мелькнула торжествующая мысль вместе с волной облегчения.

Несколькими секундами позже, взрывая длинными когтями изумрудную траву ухоженного газона, подъехал Валера. Хищник, в форме которого он находился, на мгновение замер, а потом обессиленно завалился на бок. Блестящая шерсть с четким рельефом покатых мышц подернулась дымкой, видоизменяясь. После трансформации обратно в человека принц с тяжелым вздохом обессиленно перекатился на спину.

Глаза его были зажмурены, лицо искажено в гримасе боли, а сквозь сжатые зубы вырывалось шипение. Кроме глубокой раны на боку, на которую я старался не смотреть, на Валеру словно расплавленным горящим пластиком плеснули. В некоторых местах его одежда и кожа оказались буквально проплавлены – ощущения явно не из приятных. Едва подумал об этом, сопоставив события, причины, а также следствия, и посмотрел на свои руки. Лучше бы не смотрел – предплечья, вокруг которых совсем недавно вилась Тьма, выглядели... не очень хорошо выглядели.

Отвел глаза от почерневшей кожи и почувствовал, как плечи передернуло противной судорогой слабости. После того как время окончательно вернулось к привычному бегу, почувствовал просто смертельную усталость. Скольжение в ускоренном времени, тем более подобного уровня, бесследно не проходит, а я сегодня за несколько минут выполнил сразу несколько. Удивительно еще, что сейчас не в состоянии недозревшего овоща нахожусь, а могу даже двигаться и соображать.

Зажмурившись, я кое-как доковылял до ствола дерева и, прислонившись к нему спиной, сполз на землю. Руки при этом держал чуть на отлете, чтобы не коснуться чего. Сквозь полуприкрытые веки видел бегущих к нам казаков, а также кометы падающих на землю конвертопланов. Один из них рухнул совсем рядом. Причем буквально, с грацией падающего кирпича. Лишь в последний момент снизу мелькнули тормозные вспышки двигателей, и машина остановила падение в считанных метрах до земли. Боковая дверь отошла в сторону еще в падении, и на траву уже выпрыгивали медики в броне с характерными знаками отличия.

– Валер, слышь... – произнес я, чтобы хоть что-то делать, абстрагировавшись от навалившейся адской боли по всему телу.

– А? – едва слышно откликнулся валяющийся неподалеку принц.

– Почему Медведев? Ты ж из кошачьих...

– Чтобы никто не догадался, – хмыкнул было Валера, но почти сразу невнятно хрюкнул, а после зашипел от боли.

– Слушай, а вот эта твоя... показательная экстравагантность, – нашел я подходящее определение, – это часть стиля или влияние звериной сущности?

Ответить Валера не успел. Рядом вдруг стало очень много людей. И все что-то делали, причем быстро, слаженно и профессионально. Замелькали руки, датчики, зашипел вспенивающийся биогель, кольнуло пару раз шприцом-пистолетом. После обезболивающих и стимуляторов мне стало вдруг так легко и хорошо, что даже на ноги собрался встать. Не соображая полностью, что делаю. Но ближайший медик показал, что подниматься пока не стоит, и надо мной продолжили колдовать профессионалы.

Несколько минут потребовалось медикам, чтобы на скорую руку подлатать и привести нас с Валерой в порядок. К этому времени прибежали Фридман и Василий, сопровождаемые одним из бойцов охраны поместья в красно-черной броне.

Юрист был ужасающе растрепан, с оторванным рукавом пиджака и разбитым носом. Но выглядел Моисей Яковлевич по-боевому, а в руках держал свою приметную гаубицу, по недоразумению называемую пистолетом. У сопровождающего его Василия пиджака не было вовсе, а еще он почему-то был босиком. В руках гангстер держал костяной меч – точь-в-точь как тот, что я сам недавно выдернул из руки чешуйчатого монстра.

Выглядел Василий дерзко и резко. Причем настолько показательно, что я безошибочно почувствовал, как он упивается недавней битвой и своими свершениями. За которыми наверняка лишь наблюдал, пока демон взял происходящее в свои руки.

– Все в порядке? – дежурно поинтересовался я у юриста.

Фридман мелко закивал, не в силах что-то сказать, – явно все еще переживает перипетии недавнего ада.

– Было непгосто, но я спгавился и спас вашего человека, – вдруг произнес Василий. Сказал на русском, с ужасным акцентом, еще и пытаясь скопировать характерный говор Фридмана. Наверняка демон подсказал, обиженный на недавнее «...хотел его пгистгелить...».

Моисей Яковлевич, видно было, постарался сохранить невозмутимость, но все же не сдержался. Ответил он Василию на идише. В ответ гангстер зачастил речитативом на африканс.

– Моисей Яковлевич! – чуть повысил я голос, привлекая внимание. – Воспользуйтесь медицинской помощью и приведите себя в порядок. Попробуйте оценить ущерб, в первую очередь количество погибших и раненых при нападении. Да, и узнайте, где Гек. Вася, охраняй Моисея Яковлевича. Головой отвечаешь.

«Двумя», – мысленно произнес я, обращаясь к демону, и даже два пальца для наглядности показал.

Фридман что-то хотел сказать, развел руками даже. Но увидел, что я потерял к нему всякий интерес, и промолчал. Сопровождаемый Василием и безотлучно следующим за ним охранником поместья в черно-красной броне, юрист торопливо убежал приводить себя в порядок. Я же понемногу переставал адекватно воспринимать реальность. В ушах вновь зарождался глухой гул, а в теле наливалась противная слабость, которая лишь ненадолго отступила перед стимуляторами.

Я сейчас проваливался словно в состоянии опьянения, причем не водочного – когда вяжет разум, а иного, сходного с эффектом медовухи. Когда более-менее соображаешь, но вот тело сознанию не слишком подчиняется. Нет, я не шатался и не падал, но по ощущению становился полностью ватным.

Каждое движение теперь требовало серьезных усилий, и даже мысли с трудом шевелились. Но, концентрируясь на действии, не обращая внимания на неудобства, я поднялся на ноги. Оглядываясь вокруг, с хозяйственным неудовольствием отметил, что в парке слишком много людей. Не толпы, но вот то и дело садящиеся и взлетающие конвертопланы несколько напрягали. Понятно, охраняющие казаки конвоя Валеры, но вот эта вся братия, находящаяся на территории... кто разрешил вообще?

Словно услышав мои мысли, почти все машины одна за другой поднялись в воздух, исчезая за чернильными в ночи облаками. Среди них я зацепился взглядом за два белых аппарата с красными крестами, поднявшихся практически из руин поместья. Почему-то чувствовал уверенность, что в них находятся не только Садыков с Зоряной, но и Анастасия. Княжна, когда использовала помощь охраняющего ее дракона, значительно превысила порог своих возможностей. Простое вливание энергии, которое помогло во время обморока в столовой, точно сейчас не поможет. В этом не поможет даже белая целительница, почему-то я в этом был абсолютно уверен.

В парке осталось лишь несколько групп казаков, которые настороженно сканировали окружающее пространство. У поместья также взрывная суeta прекратилась и присутствовали лишь бойцы в песчаного цвета бронекостюмах. Нет, не только казаки: в развалинах мелькнуло несколько фигур в темной броне с коричневыми вставками. Это как раз таки кавалерия, узнал я униформу и знаки отличия: гусарский Ахтырский генерала Дениса Давыдова полк.

Мне не особо интересно изучение воинских частей Конфедерации. Но в этом мире армия гораздо ближе к обществу, чем в моем старом, поэтому внимание приходилось уделять,

без вариантов. И во время лекций еще Мустафы кое-что запомнил, особенно из тех частей, что дислоцированы в относительной близости от Елисаветграда. Тем более если части эти обладают определенной репутацией – а бронекавалеристы-ахтырцы для Павлограда – это как десантники для Пскова.

И сейчас в памяти всплыло, что командиром ахтырских гусар был полковник Михаил Боченков, а вот шефом полка являлся персидский принц Мансур Мирза из династии Каджаров. Почему в памяти отложилась – потому что фамилия приметная. И только сейчас, вспомнив об этом, сопоставил услышанное от Анастасии о Валере. Да тут, оказывается, диаспора целая! Вернее династия, как это называется в этом мире.

Ахтырцы, в отличие от казаков конвоя, нацеленных на охрану Валеры, явно были заняты другим делом. Нейтрализацией тех самых двух групп, готовящихся устранить Шиманскую, понял я, когда увидел плененных бойцов. Разномастно, но очень внушительно экипированных.

Причем ахтырцы привели пленных с разных концов парка. Одна группа, более десяти бойцов, судя по виду, должна была осуществлять грубый силовой вариант. Вторая оказалась снайперской парой, и их расположили отдельно. Внушительная винтовка лежала у ног невысокого пленного в легкой броне, стоявшего на коленях со стянутыми за спиной руками. Вторым номер явно пытался оказать активное сопротивление: то, что от него осталось, положили чуть поодаль.

Один из ахтырцев подошел к нам с Валерой и поднял забрало. Он представился и говорил что-то, но слова я почти не различал: у меня по-прежнему в ушах стоял глухой звон. Я выхватывал отдельные выражения, но, даже слушая, воспринимать не хотел. И так тяжело стоять прямо и сохранять подобие нормального вида. Больше всего на свете мне сейчас хотелось лечь прямо здесь, на такую мягкую траву, закрыть глаза и не открывать их минут триста.

Как назло, бронекавалерист обращался не к Валере. Именно ко мне. И явно хотел что-то показать. Противиться я не стал – ведомый ахтырцем, дошел до Второго корпуса. Спускались в подвал без помех, потому что кто-то прошел здесь до нас, вскрывая замки. С помощью взрывчатки, заметил я характерные следы на стенах там, где раньше были массивные решетки.

В коридоре темницы ничком лежало обезглавленное тело. Роман Игоревич, и снова здравствуйте.

Ахтырец по-прежнему что-то говорил мне, объясняя. Я все еще практически не слышал его, но сквозь стихающий гул понемногу прорывались отдельные фразы. «Скрытно проникли...», «...обезглавили», «...усыпив бдительность...».

Все сказанное я не понял, но уловил общий смысл. Группа, которая должна была ликвидировать Шиманскую, имела еще одно задание – устранить господина Зайцева. И почему-то убить его можно было, лишь усыпив бдительность. Очень странно, потому что безопасник одаренным не был. Зачем было давать ему ложную надежду, открывать дверь камеры и только после, воспользовавшись моментом, стрелять в затылок? Не проще было расстрелять, даже камеры не открывая? «Обезглавили» еще... Зачем?

Вопросы эти я пока не задал, оставил на потом. С сопровождающим меня ахтырцем мы поднялись наверх и направились к главному зданию. Ко мне еще по пути подошло сразу несколько офицеров. Как оказалось, на территории поместья я сейчас был единственным лицом с подтвержденными полномочиями владельца. Как и когда у меня эти полномочия появились, я не знал. Но спрашивать не стал, а принялся за дело, потому что остался единственным человеком, кто мог давать указания выжившей прислуге и санкционировать привлечение к разбору завалов сторонних людей.

Следующие часа полтора я провел как в тумане. Прибывшие строители очень споро раскидали проход к рабочему кабинету княгини. Он был защищен и не от таких катаклизмов, и мне можно было уже перемещаться туда для удобства. В нем и обосновался. Валера, кстати, все это время ошивался поблизости, но меня не трогал. Состояние у него было гораздо лучше, чем

у меня. Это только я во времени скользил с ускорением, а он ведь так по умолчанию быстро бегают, на четырех лапах.

На Валеру внимания пока не обращал, потому что было действительно много работы. Причем работы печальной – из персонала поместья, находившегося в главном здании, многие погибли. И связано это было с тем, что основная часть слуг и лакеев не убегала, а, наоборот, стремилась в гущу события, стараясь если не остановить вторжение демонов, то хотя бы попробовать защитить княжну.

Из семнадцати неасапиантов в живых осталось всего трое. Андре... с ним все сложно было. Как обмолвился периодически появляющийся рядом с Валерой офицер из казаков, с инструктором было «хуже, чем тогда в Корее».

Воспринимал мир и действительность я уже более отчетливо, приходя понемногу в себя. Но все еще находился в полупьяном состоянии, и приходилось максимально концентрироваться на своих действиях. Вскоре, видимо, сказалось напряжение, мысли вдруг начали путаться, а перед взором потемнело.

Очнулся оттого, что встретился лбом со столешницей. Резко поднявшись, увидел предупредительно прянувших ко мне казаков конвоя. Но они сразу же остановились, потому что передо мной материализовалась белая дама, а от бойцов меня отделила непрозрачная стена холодного света.

Целительница наклонилась ко мне, положила руки на плечи, и совсем неожиданно я ощутил касания ее губ. Вздвогнув от неожиданности, я невольно вздохнул полной грудью; в состоявшемся поцелуе с целительницей не было никакой теплоты и тем более эротического подтекста. Просто действенный прием передачи жизненной энергии, на мне его уже использовали однажды целительницы-практикантки гимназии.

Вот только эффект подобного от гимназистки-практикантки и от столь сильной сущности разительно отличается – в мгновение ока я стал бодр, здоров и свеж, как космонавт перед стартом. Ощущения непередаваемые – словно до этого момента я дышал с ограничением, а сейчас наконец-то появилась возможность беспрепятственно вздохнуть полной грудью. Жизненная сила меня теперь переполняла. Хотелось бежать, кричать или хоть что-то делать. Действовать.

Целительница мягко выпрямилась, а я невольно поднялся за ней. Она сделала еще шаг назад, по-прежнему держа руки на моих плечах и глядя прямо в душу своими белесыми глазами. Слова были не нужны: в общении с ней мне не требовалось задавать или отвечать на вопросы. Причем только сейчас я понял, почему так.

Елена Николаевна, сестра Анны Николаевны, была уже не человеком, а иной, могущественной, сущностью. Но, будучи нечеловеком, она все еще оставалась и частью рода, взяв на себя роль ангела-хранителя Анастасии. Подобно «моей» матери. Вот только охраняющая меня сущность была духом, проявляясь только в изнанке, а белая дама сохранила свою телесную форму.

Из-за нашей с княжной ментальной связи мы с белой дамой также стали не то чтобы близки, но оказались на одной волне. Правда, целительница читала меня как открытую книгу, а я в свою очередь имел доступ лишь к «разрешенной» информации. Конечно, было бы удивительно, окажись иначе, – несопоставимая разница в уровне развития.

Подумал об этом вскользь, потому что «разрешенной» информации стало сразу немало. Кроме понимания подноготной происходящего и нашей связи, за несколько мгновений я осознал невероятно много вещей.

Целительница совсем недавно отказалась помогать Зоряне потому, что счет шел на секунды. Возглавляемая князем Власовым группа одаренных едва не уничтожила поместье, и только наш с Валерой забег предотвратил полное разрушение главного здания. В случае дли-

тельной атаки, если бы Власову не помешали, целительница смогла бы продержаться немало времени. Вот только защитила бы она одну лишь Анастасию, на остальных сил бы не хватило.

Целительница не знала о предполагаемой атаке демонов. Началась она из подвала здания, где взорвались монолитные плиты фундамента, открывая порталы в один из планов нижнего мира. Белая дама предполагала, что об этих порталах мог знать как Зайцев Роман Игоревич, так и Петр Алексеевич (тогда еще просто Штейнберг), который до свадьбы руководил процессом возведения родового поместья. Сама Елена Николаевна в то время еще была обычной одаренной. Ну как обычной – одной из лучших целительниц в стране, оперирующих силой света. И жила она тогда в Петербурге.

Целительница не пришла нам на помощь во время атаки демонов потому, что на это и был расчет атакующих. Нападение демонов нижнего мира, а также последовавшая почти сразу атака Власова были согласованы. Закрой целительница нас от орды тварей, ей не хватило бы сил на успешное отражение стихийной атаки одаренных.

Целительница не смогла бы предотвратить атаку одаренных группы Власова, потому что она целительница, а не воительница. И сила ее пусть и велика, но в прямом бою с ними она мало что стоит. Мало, если сравнивать с координированными действиями коллектива из десяти высокоранговых одаренных, конечно. Защититься от их слаженного удара она еще могла, но при попытке перейти в атаку последствия для нее могли оказаться печальными.

Целительница появилась только сейчас, приведя меня в порядок не сразу, потому что я еще молодой и только учусь. И вот эти два часа, которые я провел максимально сконцентрированным, весьма полезны в моем дальнейшем развитии владения даром.

И наконец, именно целительница открыла мне доступ к управленческому меню рода Юсуповых-Штейнберг. К той самой абсолютной власти над активами рода, которой недавно на моих глазах пользовалась Анастасия.

Как только я все понял и осознал, сверкнула вспышка. Целительница исчезла, оставив меня в компании ошарашенных казаков. Я сам оказался, мягко говоря, удивлен. Но времени на раздумья особо не было: на управленческий терминал пришло оповещение о том, что транспортный челнок с наемным отрядом варлорда Артура Волкова вот уже четвертый раз запрашивает разрешение на посадку на территорию поместья.

Вот и Шиманская подъехала, про которую все в суматохе забыли. А еще Ада и Ира, которым можно препоручить что-то из насущных дел, – почувствовал я некоторое облегчение, вспомнив спокойную уверенность змееглазых наемниц.

Выйдя из кабинета, двинулся по коридору. Сюрреализм – справа все целое, с портретами и гардинами на стрельчатых окнах, даже вазы почти все уцелели. Слева же – зубастые осколки стены и панорама превращенных в руины главных залов поместья.

Едва оказавшись на крыльце, услышал едва слышный гул. С неба рядом со мной упало сразу три дрона, два из которых активировали защитные щиты, накрывая меня полупрозрачным куполом с голубоватым отливом. Предусмотрительно, только и подумал я, внимательно осматриваясь. Повсеместно уже работала роботизированная строительная техника в армейской раскраске. Нагнали после моего разрешения, так что сейчас территория споро расчищалась.

Тела погибших при атаке людей уже увезли. Их было слишком много, чтобы справиться с организацией погребения силами рода здесь, в поместье, поэтому я с благодарностью принял предложенную администрацией города помощь. Скорбная цепочка уже исчезла, а вот поодаль все еще лежали трупы демонов и монстров. Разложенные не только по видам, но и комплекции – отдельные части, тела частичной сохранности и вплоть до встречающихся целых, которые выглядели почти как живые. И с останками монстров работали специалисты, сразу несколько десятков человек из армейской разведки. А еще ученые, судя по характерным бронежилетам. Разрешение на работу с телами, кстати, тоже я давал.

На крыльце между тем появился Валера в сопровождении держащихся прямо за плечами двух казаков. Вот почему не уходит, Шиманскую ждет, догадался я. Массивный толстобрюхий конвертоплан транспортной авиации между тем с мягким гулом зашел на посадку. Плавно разворачиваясь в воздухе, он развернулся хвостом к крыльцу.

Подсвеченная грузовая аппарель начала опускаться еще до того, как машина приземлилась. Через несколько секунд конвертоплан коснулся земли, мягко качнувшись на посадочных опорах, а широкий край аппарели полностью открылся. Я даже отсюда слышал звук шагов по блестящему ребристому металлу – из брюха транспорта появилась приметная троица.

В центре шагала Анжела. Она всегда была эффектной дамой, но сейчас, сменив полицейскую форму на модную гражданскую одежду в ковбойском стиле, выглядела сногшибательно. Высокие ковбойские сапоги, обтягивающие джинсы, кожаная приталенная куртка. Распахнутая, так что взгляд привлекала натянутая внушительным бюстом рубашка, с расстегнутыми верхними... хм, и средними пуговицами. Завершала образ шляпа стетсон, из-под которой рассыпались по плечам распущенные волосы. Они и широкие поля шляпы прикрывали тот факт, что Анжела была в зеркальных очках, напоминающих маску для сноуборда. Глаз у нее еще не было, импланты – дело долгое и небыстрое, поэтому сейчас она смотрела на мир через подключенный нейрошунтом визор.

По бокам от Анжелы двигались индианки, Ира и Ада. Анжелу привлекательностью им было не затмить, но в нарядах полувоенного кроя и с оружием наперевес они просто привлекали взгляд агрессивной сексуальностью. Что-то в этом было категорически неправильное – прислушался я к своим ощущениям, настораживаясь.

– Вот это ничего себе, – произнес под ухом Валера, наблюдая пришествие колоритной троицы. – А ты знаешь толк в...

Он осекся на полуслове в тот момент, когда голова Шиманской взорвалась кровавым облаком. Буквально мигом позже в Анжелу попало еще несколько пуль, и изуродованное тело покатилося по брусчатке. Двигающиеся рядом с Анжелой индианки в тот же миг одновременно сбились с шага и синхронно начали заваливаться вперед, будто одеревенев. Так и было – тела рухнули ничком и остались лежать в позах, в которых замерли, очоченев за краткий миг.

Двигатели конвертоплана в этот момент взвыли. Я невольно пригнулся от воздушной волны, а машина скачком ушла вверх, в резком вираже заваливаясь на крыло и набирая высоту, исчезая из виду. Несколько секунд суеты, криков, и вдруг передо мной появился офицер с открытым забралом.

– Элимелех твой? – с ходу заорал он.

Зачем кричать, я и так все слышу – мелькнула мысль.

– Мой, – без задержек кивнул я.

Казак сразу исчез, оставив после себя лишь эхо криков отдаваемых указаний, которые разом отсекло упавшее забрало.

– Артур! Элимелех твой? – с секундным опозданием поинтересовался Валера, внимательно на меня глядя. Руку Валера держал у уха – видимо, был там наушник коммуникатора. Он вообще слушает, что вокруг происходит? – подумал я.

– Мой, – кивнул я, не став заострять внимание.

Третий дрон надо мной, кстати, до этого выполнявший функцию резерва, также активировал щит. Мельком обратив на это внимание, я подбежал к индианкам, осматривая тела. Чувствовалась в них какая-то неправильность, но вот в чем дело, я не мог понять. Потрогал тела. Очоченевшие полностью. Хорошо, что рядом был Валера и можно было спросить хоть кого-то.

– Валера, что за... что происходит?

Судя по виду, Валера уже знал, что происходит. Частично – потому что информация к нему продолжала поступать, а он не мог одновременно слушать и рассказывать мне. Но он пытался, а я даже что-то понял.

Чуть больше чем через минуту толстобрюхий конвертоплан появился вновь, точь-в-точь повторяя свой недавний заход на посадку. По аппарели, уже прикрываемые дронами, сошли всего двое: Ира и ведомая индианкой под руку Анжела, которая сейчас находилась явно не в своей тарелке.

Несмотря на то, что Валера пытался мне что-то объяснить, до конца, что происходит, я еще не понимал, то и дело поглядывая на изуродованную «первую» Анжелу и окоченевшие тела индианок. Живая Анжела была, кстати, в обычной одежде, а не в ярком ковбойском наряде. Подобранные конвертопланом индианки также были не в провокационных нарядах – как позирующие для мужского журнала в стиле милитари горячие девушки, а в глухой броне среднего класса. Купленной еще на мои первые заработанные в этом мире деньги, полученные за участие в ивенте в Высоком Граде.

Ира выводила Анжелу, а Ада с Элимелехом пока оставались в машине. Танцор все еще сидел за штурвалом, а Ада задержалась в грузовом отсеке, находясь рядом с выжившим пленным стрелком. Второго индианки живым взять не смогли, да и не пытались особо, как я понял. Оба штатных пилота машины, кстати, также были обездвижены и упакованы, во избежание.

Виноват во всем оказался Элимелех. Вернее, он был главным исполнителем, а возможную операцию санкционировал сам Андре. О том, что Шиманскую попробуют устранить сразу по прибытии, было известно всем, так что инструктор решил подстраховаться. Элимелех, получив от него добро (на противозаконные действия, потому что транспортник был воздушным судном Армии Конфедерации), влез в тактическую систему летательного аппарата и экипажа. И нашел подозрительную активность вкупе с изменением полетной карты в последний момент. Экипаж сразу был изолирован, а Элимелех в одиночку взял на себя функции пилота, перехватив управление практически с момента вылета из Таганрога.

В багаже имущества отряда нашлось три андроида. Все три – нелегальные секс-куклы. Жандармов и полиции вокруг не наблюдалось, так что вопросы, как они туда попали, никто задавать не стал. Андройдов Элимелех (не отрываясь от пилотирования) настроил на психоматрицы Анжелы и индианок, причем так искусно, что любое сканирование принимало чело-векоподобных андроидов за настоящих людей, еще и идентифицируя личность.

С этим и была связана столь показательно агрессивная сексуальность появившейся при первой высадке троицы. Все же андроиды предназначены для утех, и пластику движений, а также провокационные наряды менять не было времени. При настройке андроидов Элимелех обошел еще один запрет – на изменение внешности. Потому что секс-куклам полагалось лишь несколько базовых вариантов облика, а копирование реальных людей было строжайше запрещено. Но, опять же, ни полиции, ни жандармов поблизости не было, так что и об этом никто спрашивать не стал, заостря внимание.

На подлете к поместью Ира и Ада вышли за борт, воспользовались крыльями. Теми самыми, на которых планировали десантироваться на крышу Ямы перед тем, как я разворошил Южные районы в Высоком Граде и план пришлось менять.

Планируя на крыльях, индианки по четкому рассчитанному хронометражу появились над поместьем как раз в момент приземления конвертоплана. Сразу после выстрелов наемницы отключили привязку психоматриц к секс-куклам и упали вниз, на место стрельбы. Двойники индианок же в этот самый момент упали в одеревенении.

Как выяснилось, по Шиманской работал снайпер, а вот прикрывал его и, судя по всему, ответственен за отход был одаренный – его наемницы и прикончили, чтобы не рисковать лишним раз своим здоровьем.

У Шиманской привязка психоматрицы от секс-куклы в момент выстрела не отключалась, поэтому виртуальная смерть ощутимо ударила ей по мозгам. И Анжела сейчас, будучи в сознании, находилась в состоянии, близком к нокдауну. Кроме всего прочего, сейчас она ведь сле-

пая – настроенные через нейрошунт очки были надеты на обманку и уничтожены вместе с головой секс-куклы.

– Валер, – негромко произнес я, когда два казака подбежали к Ире и подхватили под руки Анжелу.

– А? – только и спросил ошарашенный происходящим Валера.

– Ты можешь позаботиться о пани Анжеле? У меня сейчас столько проблем навалилось...

– Мм... я подумаю над этим, – кивнул Валера. И сразу недвусмысленно показал поддерживающим Шиманскую казакам в сторону медэвака. Сорвавшись с места, я догнал троицу, и, приостановив жестом, попробовал ободрить Анжелу. Услышав знакомый голос, она вздрогнула, попыталась что-то сказать, но быстро обмякла – ей, оказывается, уже вкололи успокоительное.

Возвращался я к Валере сопровождаемый Ирой и Адой. Наемницы, держа оружие наперевес, просто встали за моей спиной молчаливым сопровождением. Как будто так и надо. И выглядели индианки весьма внушительно, что не преминул выразить мимикой Валера. За его плечами, кстати, также расположилась двойка телохранителей.

– Валер, у меня вопрос, – произнес я, подходя к нему ближе.

– Внимательно.

– Это... – развел я руки вместо усиливающих речь идиом, – вообще как?

Валера не совсем понял, поэтому пришлось чуть дополнить.

– Ты был настроен пострелять по людям, и... «ну стены попортим, пару окон разобьем», – кивнул я на руины центральной части поместья. – Какого...

Сделав паузу, я снова развел руки в говорящем жесте.

– ...здесь происходит?

– Артур, я... – скопировал мой жест Валера, – черт его знает.

– А кто знает?

– Я знаю, – раздался поодаль голос, и к нам подошла группа воинов в броне. Забрало было поднято только у одного из них, офицера в возрасте. В полутьме лицо я не рассмотрел, заметил только седые брови и орлиный нос.

– Завтра жду вас обоих в ратуше, к трем часам дня. Валера, сейчас отбой, тебе в школу завтра. Артур, вам тоже советую, – перевел на меня взгляд офицер. Я открыл было рот что-то сказать, но сразу не нашелся, что именно. Незнакомец между тем продолжил, обращаясь по-прежнему ко мне.

– По действиям на территории поместья присутствующие специалисты получили необходимые указания. Жизни всех эвакуированных раненых вне опасности. Посещение близких вам людей в ближайшее время нецелесообразно, в палаты интенсивной терапии вас не допустят. Вы, конечно, можете туда попасть, – отреагировал на мой взгляд офицер, – но толку не будет, обе... девушки сейчас в состоянии искусственной комы, можете лишь постоять у кровати или у капсулы. Поручик Садыков же и без вашей поддержки справится. До завтра, господа, – кивнул незнакомец, разворачиваясь на каблуках.

Валера, как я заметил, растерял всю наносную спесь перед непредставившимся офицером без знаков различий. Выглядел принц сейчас почти нормально и смотрел как на... как обычные люди друг на друга смотрят, а не как он всегда на окружающих. Спрашивать, кто это был, я не стал. Тем более Валера явно заторопился выполнять указание отправляться в кровать.

Когда медэвак с принцем и Анжелой взлетел, вокруг как-то стало пусто и грустно. Да, работала техника, виднелись солдаты, но близкие – как недавно сказал незнакомец, люди сейчас в больнице. На меня вдруг навалилась боязнь ответственности. Бывает так иногда. Вроде делаешь что-то важное, а потом до испуга – зачем я в это ввязался? Впрочем, прошло очень быстро.

Да и не один я остался – вот Фридман торопится с очередным докладом в сопровождении неизменного охранника, который дышит в затылок юристу с момента нападения, и Василия. Который опять в сутенерском, черт его побери, наряде.

Все же как хорошо, что Фридман здесь. Моисей Яковлевич безотказный, как автомат Калашникова, – есть на кого обязанности спихнуть лишние. Что еще с Геком, кстати, непонятно... уже понятно – даже вздрогнул я, увидев и узнав датчанина. Но посмотрел прежде всего на гангстера.

– Ты специально? – спросил я устало. – Вася, я не тебе сейчас, – своеобразным образом обратился я к демону, чтобы лишний раз к ментальной связи не прибегать.

Василий степенно кивнул, и изменившиеся глаза чернокожего гангстера блеснули отсветом алого.

– Объясни этому неразумному, что одеваться прилично надо. Только не слишком усердствуй.

Демон вновь с достоинством кивнул, и фигура гангстера на миг обмякла, когда тело вернулось под управление Василия.

– Ты как вообще? – потеряв интерес к гангстеру, поинтересовался я у датчанина.

Охранник, сопровождавший Фридмана и Васю, сейчас – когда все закончилось, был с поднятым забралом. И только сейчас я увидел, что это Гек. Датчанин в ответ только продемонстрировал жест с поднятым вверх большим пальцем.

– Целительница? – спросил я, уже зная ответ.

Гек снова кивнул безмолвно. Он вообще разговорчивостью никогда не отличался.

– Насовсем или только на время подняла? – снова спросил я.

Гек лишь пожал плечами, показывая, что целительница ему не докладывала. И коротко дернул подбородком в сторону Фридмана.

Ясно, значит целительница подняла датчанина и дала задание охранять Фридмана. Подняла датчанина... Вообще, как говорили врачи, ни один одаренный целитель не может помочь в столь сложной ситуации. Особенно учитывая все то время, что Гек провел в капсуле виртуальной реальности. К счастью, поднявшая в момент атаки датчанина с инвалидного кресла озаренная целительница об этом экспертном мнении не ведала.

Я хотел было дать Фридману порцию очередных важных указаний, но взгляд юриста вдруг заставил меня обернуться. В полнейшем молчании мы всей толпой наблюдали, как по брусчатке к крыльцу приближается одетый с иголки Аверьянов. Я про него вообще забыл, кстати. Что и неудивительно.

Обходя не убранные еще обломки, Аверьянов подошел ближе к крыльцу и делано удивленно оглянулся вокруг.

– Господи, что же здесь произошло такое? – картинно воскликнул он, всплеснув руками. – Артур, расскажешь?

Весь вид Аверьянова буквально кричал, что он знает о произошедшем. И наслаждается этим знанием, буквально упиваясь зрелищем того, как я, еще вчера такой гордый, стою среди развалин поместья.

Это была его сладкая и продуманная месть за унижения и за изгнание из клана. Момент, надо сказать, весьма подходящий выбрал. И наверняка не один и не два раза подходящие фразы репетировал, перебирая одну за другой.

Аверьянов знал, что должно здесь произойти. Его «изгнание» из клана было фикцией? Получается, да. Или просто так сложилось, его по-настоящему изгнали, но не бросили. Мне сейчас очень хотелось убивать. Но это неправильно, потому что нельзя просто так взять и убить не нравящегося тебе человека.

– Хотя нет, не стоит, – сочувствующе махнул рукой Аверьянов. – Ты раскопал уже свою комнату? Как перстень мой, достал?

– Ты поглумиться пришел, друг? – участливо поинтересовался я.

Аверьянов только руками развел, всем своим видом показывая, что не понимает, о чем речь. Хотя глаза его лучились удовлетворением исполненной мести за унижения.

Дурак человек, что говорить. Ума нет – считай, калека. Такого только могила исправит.

– Откуда такие подробности? – спокойно поинтересовался я.

– Какие подробности? – попытался скрыть промелькнувшую растерянность Аверьянов.

– Откуда ты знаешь про мою комнату?

– Ау... ну... это же легко понять, видя столь печальные разрушения, – вновь принял уверенный и спокойный вид Аверьянов.

– Ты думал, что я под парадной лестницей живу? – ровным голосом спросил я.

Аверьянов хотел что-то сказать, но я взглядом показал ему замолчать.

– Моисей Яковлевич?

– Когпус пгислуги, в котогом гасположена ваша комната, газрушен полностью. Пгежде чем угадить по главному зданию, смегч пгошел по нему.

Да, я же об этом знал. Но информация не сохранилась в доступе оперативной памяти. Получил я ее в то время, пока сидел в не совсем адекватном состоянии, сопротивляясь собственному телу и накатывающему беспамятству.

– Моисей Яковлевич.

– Да, Агтуг Сег-геевич.

– Разблокируйте замок своего кейса и откройте крышку.

Юрист очень удивился, но возражать он не стал. Открыв замок, он поднял крышку кейса, держа его на вытянутых руках.

– Василий.

– What? – не очень уверенно поинтересовался гангстер. Вася вообще потухал моментально, когда я к нему напрямую обращался.

«Убей его», – мысленно произнес я, глядя в глаза Василию.

«Yes, sir», – мысленно ответил уже демон, перехвативший управление телом.

На Аверьянове были стихийные щиты. Но выстрелы из гаубицы Фридмана, которую молниеносно выхватил Василий из кейса Фридмана, они не выдержали. Обычный человек так бы не смог – положить все пули в одну точку, разбивая щит. Но стрелял-то демон.

Семь хлопков практически слились в один, и наполовину обезглавленный Аверьянов рухнул на брусчатку. Вокруг его тела вихрились потоки воздуха – аварийная система защиты сработала с запозданием и жизнь парню не спасла. А все почему? Потому что на профильных уроках по управлению стихией заниматься надо, а не ворон считать и девчонок разглядывать.

– Никак вы, ребят, не научитесь, – произнес я негромко, копируя голос Геральта в русской озвучке популярной игры.

Плодить сущности не хотелось, как не хотелось и играть по чужим правилам. Аверьянов идиот, раз сам пришел, еще и насладиться моментом хотел. Пришел бы спокойно перстень забрать, спокойно и ушел бы. В прошлый раз, когда я обидел Аверьянова, отобрав перстень, разбираться пришел Власов. Посмотрим, кто появится с вопросом в этот раз.

– Моисей Яковлевич, – посмотрел я на Фридмана после долгой паузы.

– Да, Агтуг Сег-геевич.

– Остаетесь за главного. Перехватывайте управление всем шалманом, все вопросы о полномочиях, если что, ко мне. Я буду в рабочем кабинете, обращайтесь. В случае чего будите, пару часов я, может, посплю.

– ... – Моисей Яковлевич открыл рот, но сказать ничего не успел.

– Ада, – произнес я, не оборачиваясь.

Змееглазая индианка, старшая в паре, широко улыбнулась, делая шаг вперед. Я замер на миг, наблюдая за ее движениями. Змеиная пластичность и грация, причем словно размытая

– и глаз не оторвать, и зацепиться взглядом непросто. Словно отвод глаз работает. Тем более что ощутить присутствие рядом наемников было невероятно сложно. Я, к примеру, о том, что за мной неотступно следуют обе индианки периодически забывал.

– Ада, обеспечьте безопасность Моисея Яковлевича. И... вот за этим парнем надо приглядеть, – показал я на Василия.

Индианка внимательно присмотрелась к гангстеру. Отстраненно присмотрелась. Так лепидоптерофилист на бабочку смотрит перед тем, как на иголку насадить. Видимо, демону подобный взгляд не слишком понравился.

«Господин, прошу вас, господин. Всего один взгляд», – зашелестела в ушах просьба демона.

Отвечая на просьбу, я едва заметно кивнул. Василий вдруг крепко зажмурился, а через миг на индианку посмотрели желтые глаза с вертикальным зрачком. Дополняя скопированный образ, демон улыбнулся и быстро облизал губы раздвоенным языком. Ада едва сохранила невозмутимость – произошедшее стало для нее сюрпризом.

– Да, Василий может удивить, – пояснил я. – Моисей Яковлевич все объяснит.

– А кто из прекрасных дам будет охранять персонально меня? – на русском, с ужасным акцентом англоговорящего африканца из глухой провинции произнес так и контролирующий Василия демон.

– Элимелех, – вдруг вкрадчиво раздалось позади меня. Живущий в ритме танца наемник словно материализовался рядом. На него, как обычно, никто не обращал внимания и не замечал, пока он не подавал голос, привлекая внимание.

– Элимелех, Василий, будет охганять пегсонально тебя, – наставительно произнес Моисей Яковлевич, отбирая свой пистолет у демона и убирая устрашающую штуковину обратно в свой кейс.

– Включай Васю обратно, – обратился я к демону. – И не высовывайся без нужды.

«Как скажет господин», – прошелестел мысленный ответ демона, который вернул гангстеру контроль над телом.

– Все, работаем, – просто сказал я, разворачиваясь. Направился к кабинету княгини – сейчас время слишком дорого, чтобы тратить его на сон. Под утро можно будет поспать пару часов, а сейчас мне нужно как можно больше информации.

И лишь зайдя в здание, обходя разбирающую завалы технику, обернулся, чувствуя за спиной чужое присутствие.

– В чем дело? – поинтересовался я у следующей за мной Иры.

– Мой лорд, мне приказано охранять вас, – с загадочной улыбкой произнесла индианка.

«Мой лорд». Давно меня так не называли.

– Кто приказал? – отстраненно, вспоминая голубые глаза смуглянки и огни бального зала, поинтересовался я.

– Моисей Яковлевич.

– А... – собрался я что-то сказать, но только рукой махнул. Со всем происходящим вокруг весельем личный телохранитель точно не помешает. Ира, судя по загадочной улыбке и поблескивающим в полутьме желтым глазам, думала так же.

Глава 5

Устроился за рабочим столом княгини я практически в позе роденовского мыслителя. Только по-человечески, положив подбородок на основание ладони левой руки, а в правой держа перстень Аверьянова. Им же и щелкнул по поверхности стола. Четкий звук удара металла в столешницу в кабинете прозвучал весьма громко. И еще раз. И снова, в такт ударам сердца, раз за разом выбивая ровный ритм.

Расположившаяся у двери Ира, вооруженная укороченным автоматом, на перестук не обращала внимания. Индианка была в черно-красной, удивительно идущей ей униформе охраны поместья, дополненной наплечниками и поясом легкой брони с генератором силовых щитов. Кого-то она в подобной форме напоминала, но я все никак не мог понять кого.

Змееглазая наемница едва заметно улыбалась, будто витая в облаках. Обманчивое впечатление. Молодая индианка внимательно сканировала пространство и в любой момент была готова взорваться действиями. Но на стук перстня не реагировала. Вообще. Железная выдержка, сам бы я на ее месте давно взбесился.

В отличие от Иры, меня равномерный щелкающий звук пробирал до глубины души. Это было эхо звуков моей страны из моего мира. Дома я часто наталкивался на историю о том, как во время Сталинградской битвы из громкоговорителей в стороны немецких позиций раздавался монотонный равномерный стук метронома. Он прерывался каждые семь ударов сообщением на немецком, что раз в семь секунд на фронте гибнет немецкий солдат. Но читал об этом не в официальных источниках, так что не уверен был в правдивости. Ленинградский же метроном слышал сам, потому что в Петербурге он по-прежнему работает в памятные дни, удивляя приезжих. Равномерные щелчки из громкоговорителей системы оповещения – звук, который во время блокады звучал постоянно. Словно в такт ударам сердца, озвучивая ритм жизни несдавшегося города.

Массивный перстень хорошо подходил для того, чтобы создавать громкий и четкий звук, встречаясь с полированной поверхностью стола. Но для этого требовалось определенное усилие: от моих пальцев кольцо слегка отталкивалось, словно рука была магнитом, повернутым к перстню одинаковым полюсом.

На столе стояла открытая шкатулка, в которой я хранил оба трофейных перстня, а также присланную императором печатку. Она осталась в шкатулке, а вот перстень убитого мною и ради меня Сергея Готфрида лежал рядом. Просто металл. Этот же, аверьяновский, в моей руке по-прежнему источал силу стихийной энергии. И изображенный на печатке герб в виде серебряной стены на голубом фоне и длани с мечом также был наполнен внутренним свечением силы. Невольно ритм ударов изменился, когда я вспомнил многолетней давности уроки игры на одной струне.

2 – пауза – 2, 2–2, 9–7, 5–5, 5 – 5

Когда в кабинете раздался узнаваемый в обоих мирах мотив похоронного марша, Ира вопросительно на меня глянула. Ненавязчиво – внимания от нее я не чувствовал, а взгляд заметил только потому, что сам смотрел в ее сторону, задумчиво вглядываясь в пространство.

Аура, эфир, азур, или, в общем смысле – душа Готфрида была уничтожена, став материалом для создания слепка души на мне. Получается, что душа Аверьянова еще жива? Кого бы спросить? Причем так спросить, чтобы и правдивый ответ получить, а еще обойтись без неудобных ответных вопросов?

При малейшем намеке на то, что надо что-либо предпринять, мысли снова перескочили на посторонние размышления. Заставляющая шевелить мозгами информация банально скинулась, чтобы не превышать уровень порога восприятия – ночь я не спал, пытаюсь разобраться со всем происходящим, так что сейчас голова просто гудела.

Мыслить о чем-то важном долго не получалось. Уводя от серьезных размышлений, в памяти возникла одна из лекций фон Колера, где он рассказывал о том, почему одаренные с самого детства воспитываются в столь плотной и сверхнасыщенной среде, будучи при этом максимально удалены от упрощающих жизнь имплантов и гаджетов. И о том, как работает принудительное торможение мозга, понижающее мощность в целях защиты от информационной перегрузки. Вот так, хмыкнул я, надо было перемещаться из одного мира в другой, чтобы узнать, как и зачем работает прокрастинация. Обычный предохранитель от перенапряжения.

Между тем я все продолжал выбивать ритм перстнем, клацая по столешнице. Но монотонный и тоскливый похоронный марш уже неосознанно сменил, а в полной тишине кабинета сейчас звучал знаменитый темно-фиолетовый дым над водой.

0 – 3–5, 0–3 – 6–5, 0–3 – 5–3 – 0

Утро уже наступило, и мне скоро пора отправляться в гимназию. Я сейчас сознательно позволил себе на несколько минут расслабиться, отпустив мысли в свободное плавание, ни на чем не концентрируясь. Почти ни на чем. И когда ленивые мысли по развилкам ассоциаций привели меня к неожиданному выводу, даже невольно вздрогнул.

Фон Колер. Слепок души. Есть он вообще на мне? Профессор покинул поместье, умыл руки, чтобы не ввязываться в происходящее. А могу я быть уверен в том, что на мне действительно сейчас есть слепок души?

Живой перстень убитого Аверьянова продолжал отбивать ритм, я же чувствовал сейчас себя словно попал под холодный душ. Верить в то, что фон Колер обманул меня с наложением слепка души, не хотелось. Да и перстень Готфрида мертв, но чем черт не шутит?

Сейчас я знаю только одного человека, который может дать мне точный ответ. Вернее, это не совсем человек – потому что озаренная целительница уже иное, отличное от человека разумного, существо, иная сущность. Вот только появляется она тогда, когда сама хочет. И это не очень хорошо. А кроме того, она ведь не обязательно может дать правдивый ответ...

Отвлекая, негромко пикинул таймер оповещения ассистанта. В гимназию идти не хотелось, но выбора не было. Настроение стало... не то чтобы плохое. Как будто весь мир вокруг против меня, но отсидеться дома не получится. Я уже и забыл это ощущение, исчезнувшее со времен получения школьного аттестата. Стараясь подбодрить самого себя, сменил частоту и тональность ударов перстня о столешницу.

7 – пауза – 7 – 10 – 7–5 – 3–2, 7 – пауза – 7 – 10 – 7–5 – 3–5 – 3–2 – 0

Ритм, знакомый любому футбольному болельщику моего мира. «Seven Nation Army», один из самых узнаваемых гитарных риффов двадцать первого века. Почувствовав направленное внимание, я поднял голову и встретился со змеиным взглядом индианки. Ира позволила себе едва поджать губы, показывая, что простота и гениальность мелодии ее впечатлили. Я в ответ только улыбнулся и подмигнул – третий сорт не держим. Особенно когда есть багаж знаний и культуры непрожитого в этом мире века. Которой – культуры в смысле, мне, если честно, сейчас не хватало.

Разделенный на сословия мир в верхних своих уровнях был похож на картины времен наполеоновских войн, когда ужасы войны скрывались за яркими красками. В моем же мире почти каждый первоклассник из любого слоя общества знает, что происходит с головой, если в нее попадает пуля. И анатомию тела учат не по учебнику биологии, а по фаталити в Мортал Комбат.

В этом же мире сословия отделены друг от друга будто зеркальными стеклами, и сам рок как протест не получил повсеместной популярности, так и оставшись на уровне гаражного творчества. А мне как раз сейчас не хватало протестных треков, очень подходящих в ситуации, когда, даже не закрывая глаз, чувствуешь, что «...весь мир идет на тебя войной».

С силой в последний раз ударив по столу, я порывисто поднялся и направился к выходу из кабинета. Ира моментально отлипла от стены, собираясь по привычке занять место за моим плечом. Но я слегка затормозил, сбив ее с ритма движения.

«What the hell is going on?» – глянув в глаза Ире, громким шепотом напел я мотив песни «The Kids Aren't Alright» группы The Offspring. И, не дожидаясь ответа, вышел из кабинета. «The cruellest damn, reality!» – это уже шепотом, себе под нос.

Строки песни «С детишками не все в порядке», которые можно перевести как: «Что за ад вокруг творится? Да это чертова реальность!» – сейчас обретали неожиданный дополнительный смысл. Особенно в свете последних событий.

«Вася, иди сюда!» – на ходу мысленно крикнул я, когда миновал парадный зал под открытым небом, где беспрестанно работала строительная техника. Василий подбежал, когда я спустился с крыльца и уже подходил к машине. Облачен мой ординарец был в серую униформу прислуги поместья, подстрижен, причесан и гладко выбрит. Глядя в настороженные глаза видоизменившегося гангстера, я поджал губы и чуть дернул головой, вызывая на прямую связь демона. Взгляд Василия полыхнул багровым отсветом, и я достал из кармана перстень Аверьянова.

«Это что?»

«Ключ, господин».

«Ключ к чему?»

«Aether, господин».

«Эфир?»

«Да, господин».

«Почему ключ еще жив?»

«Тело мертво, сила жива».

«Господин», – машинально поправил я.

«Прошу простить, господин. Тело мертво, сила жива, господин», – склонился в поклоне Василий.

На извиняющийся поклон я даже внимания не обратил, думая о другом. Источник же: средоточие силы, энергетический сосуд. Я вспомнил лекцию фон Колера и манекен с изображенным средоточием силы – в районе спинного мозга, а также расположение всех энергетических каналов. И сопоставил это с картинкой мыслеобраза распростертого на брусчатке тела Аверьянова. Вот ведь демон! – не мог не восхититься я. Восхитился потому, что, снеся полголовы одаренному, демон сделал это, не затронув энергетические каналы и не выпустив накопленную Аверьяновым силу стихийной энергии.

«И долго ключ будет жив?» – едва приподнял я перстень.

«Ключ – сколь угодно долго, господин».

«А сосуд?»

«Сосуд может прийти в негодность, и aether уйдет».

«Тело где?»

«Второй корпус, в морозильной камере подвала, господин».

«Спрятал?»

«Запас карман не тянет, господин».

«А ты шаршишь», – невольно и неосознанно ответил я, почти сразу же спохватившись. Никак не научусь полностью мысли контролировать.

«Рад служить, господин», – склонился в поклоне демон, стараясь не показать, что услышал мою случайную оговорку.

Отвернувшись от Василия, я сел в распахнутую дверь ожидающей машины. На переднем сиденье устроилась Ира. Открыв перегородку, отделяющую пассажирские места от водитель-

ского, я увидел закрепленную в держателе сверху штурмовую винтовку. А свой укороченный автомат Ира пристроила в креплении на месте убранного подлокотника.

В гимназию Ира сопровождать меня не стала, проводила до арки ворот. Телохранителям дальше нельзя. Да и безопасно в гимназии: этика поведения этого мира такова, что на территории учебных заведений враждебные действия может позволить себе только совсем конченный человек. А с такими здесь разговор беспощадно короткий, вне зависимости от положения в обществе.

Водитель между тем поехал на парковку, на которой сегодня собралось немалое количество других машин. И количество их было очень непривычно и необычно – потому что раньше стоянку ни разу не видел столь заполненной. Специально даже задержался в воротах, разглядывая машины. Практически на всех если не гербы и флажки на капотах, то черно-желтая окантовка номеров, как принадлежность к имперскому дворянству. А вот гербов национальных кланов среди многочисленных машин не заметил, как ни выглядывал.

Когда зашел на территорию гимназии, внимательно оглядывался вокруг. Утверждаясь в предположении, что в воздухе что-то висит, и это явно не люстра. На меня, кстати, неожиданно обращали совсем мало внимания. Вернее, не то чтобы мало, но внимание не было направленным. Словно дерзкий и беспощадный разгром поместья не последнего в регионе имперского рода затмило что-то другое. А вот что именно затмило, я пока не знал. Потому как ни в одной новостной ленте за всю ночь не увидел никаких заголовков, которые могли привлечь внимание. В светском обществе же я пока не вращался, так что ночью у меня просто не было источников для того, чтобы узнать не проходящую цензуру информацию.

Несмотря на царившее в коридорах гимназии напряжение, без приключений дошел до класса. Здесь на меня также посматривали, но не скажу, что с особым уж вниманием. Заметил, что мой взгляд старательно пытается поймать Разумовский. Который Андрей – вспомнил я имя одноклассника, выступавшего голосом обиженных участников «несостоявшегося» воскресного собрания по деловой этике. Повода зацепиться взглядами я ему не дал, хотя он почему-то очень сильно этого хотел. При этом выдерживая дистанцию и близко специально не подходя.

Преподаватель тоже выглядел каким-то взъерошенным и взволнованным, но никаких заявлений и объявлений не делал, сразу перейдя к лекции. Сегодня в связке Истории, Географии и Политики продолжили изучать геополитическую ситуацию во время Ливонской войны. В этот раз рассмотрение происходило с угла зрения монополизации пути из варяг в греки, за который боролись теряющий влияние Ганзейский союз и созданная англичанами Московская компания, во главе которой стоял влиятельный итальянец.

Я довольно поверхностно воспринимал материал, ожидая, пока уроки закончатся и можно будет отправиться в больницу. И во время перерывов замечал, как внимательно продолжает наблюдать за мной Разумовский. Он явно пытался поймать мой взгляд, но я на него даже не смотрел. Краем глаза только отмечал внимание и все сильнее чувствовал поднимающееся раздражение этого высокого и холеного парня. Разумовский прямо на конфликт не шел, но буквально жаждал зачем-то со мной зацепиться.

Выходя из класса после окончания уроков, едва не столкнулся с ним в дверях. В спровоцированном им же столкновении. Сработало шестое чувство, и будто невзначай я сбился с полушага и развернулся к зеркалу поправить ворот рубашки. При этом получилось так, что я отошел с траектории движения разогнавшегося парня, избегая столкновения с ним в последнее мгновение. Разумовский врезался в стайку девушек в дверях, и сразу после раздавшихся возмущенных возгласов я впервые посмотрел ему в глаза – на доли мгновения. Успел подмигнуть понимающе и быстро проскользнул мимо возникшего очага напряжения.

Покинув класс, вместо того чтобы ехать в больницу или в поместье, направился в столовую. Не потому, что есть так сильно хотел, а потому, что это было единственное место, где мог

получить хоть какую-то информацию о ситуации вообще. Потому что висящие в воздухе «не люстры» ощущались все более отчетливо. И увиденное в обеденном зале сказало мне немало даже без слов.

Атмосфера в столовой была такова, что я вспомнил историю о курсантах американского Вест-Пойнта накануне начала гражданской войны в Соединенных Штатах Америки. Наверное, примерно так смотрели друг на друга собранные под одной крышей военной академии представители Юга и Севера в последние дни мирной жизни пока единой страны. Только вот в Вест-Пойнте курсанты все были мужского пола, а здесь и сейчас из-за соотношения одаренных в пользу девушек парней вокруг было совсем немного. Хотя все без исключения присутствующие были в единообразной форме и со строгими прическами, все же большое количество красивых юных дев придавало налет несерьезности картине, сглаживая напряжение. Пришлось себя одернуть и для осознания серьезности момента вспомнить дуэль Анастасии, окровавленный песок арены и последствия для участниц.

Вообще в зале людей было меньше, чем обычно. И это при гораздо большем скоплении машин на стоянке. Странно – все домой разъехались или просто в общественном месте по минимуму стараются появляться, до последнего желая выдержать нейтралитет?

Вокруг стола, за которым я обычно завтракал, собралось чуть больше десяти человек «имперской» партии. При этом в центре помещения образовалось свободное пространство, а сторонники кланов заняли противоположный угол. Их, кстати, было значительно больше. И среди них царило показательное веселье. У нашего стола же повисло тяжелое молчание, и только два рыжих брата Дорошкевича как-то шутили между собой. Заметил я и пятого парня из своего класса – прибившегося к компании имперской аристократии тихоню Велльсгаузена, обычно незаметного.

Когда подходил к столу, отметил, что за мной пристально наблюдают. Как «наши», так и «не наши». И если с дальнего конца зала ощущалась неприязнь, вплоть до язвительной злобы, то перешедшие на сторону света смотрели на меня с надеждой. В том числе и молчаливая Наденька с Ильей. Почему именно на меня, я не понял, но постарался вести себя как обычно. Без пламенных речей, но и без ненужной суеты.

Именно поэтому – из-за того, что сохранял показное безразличное спокойствие, когда подошла Эльвира с Модестом, а после – неизменно веселый и расхлябанный Валера, ничего я так и не спросил. Когда на тебя глядят с надеждой, а ты задаешь вопрос «ребят, а что вообще происходит?», можно попасть в глупое положение.

Между тем после появления непробиваемо спокойных Эльвиры с Валерой настроение у малочисленной группы имперцев приподнялось. Атмосфера как-то даже бодрее стала. Шутки и громкие голоса слышались теперь не только от рыжих братьев. Что Эльвира, что Валера демонстрировали абсолютное спокойствие без малейшего следа беспокойства и завтракали как обычно. Модест, кстати, тоже как обычно без чая остался.

Просить Эльвиру поставить защитный купол, чтобы задать интересующие вопросы, я тоже не стал. Война вроде не совсем на пороге, потерплю до трех часов пополудни, когда в Ратушу необходимо прибыть. Так что просто посидели, просто позавтракали.

Глядя на нас, остальные имперцы все больше понемногу начинали шутить и вести обычные, не вполголоса, беседы. Особо отличались и так громкие огненно-рыжие Дорошкевичи. Слушая краем уха разговор за соседними столами, я недоумевал, когда к ним обращались – не мог понять, как зовут обоих. И только специально прислушавшись, понял, что одного звали Борис, а младшего Бóрис, с ударением на первый слог на французский манер. Да, родители рыжих близнецов явно сильно напрягаться при выборе имен не стали. Правда, упоминать вслух или громко размышлять об этом я, конечно же, не стал.

С трудом выдержав некоторое время, чтобы мой уход не казался поспешным бегством, поднялся из-за стола и попрощался со всеми кивком. Практически одновременно в другом

конце зала поднялся Разумовский и будто невзначай двинулся наперерез. Вот зачем? Какой неумоимо назойливый молодой человек – мысленно чертыхнулся я.

Мне сейчас конфликт был точно не нужен. Поэтому, отойдя от стола на приличное расстояние, я на миг остановился и развернулся на месте, сделав вид, что что-то забыл. Возвращаясь к столу, посмотрел на Валеру, и он при моем приближении встал со стула, делая шаг навстречу.

«Андре», – одними губами произнес я.

«В Ростове, в госпитале», – едва слышно шепнул Валера.

Я постоял немного, глядя над плечом принца-оборотня, делая вид, что думаю, а на самом деле просто выдерживая паузу. После секунд десяти «раздумий» кивнул и, развернувшись, все же двинулся к выходу. Как и предполагал, Разумовский ждать меня не стал. Ну и правильно, не до него сейчас.

Торопливо покинув главное здание гимназии, уже идя к воротам, я подумал о том, что сейчас еще придется свой авто искать. Потому что представительские машины выглядят все одинаково, а... Напрасно подумал – мое появление заметила Ира и уже встречала у ворот.

Подходя к арке выхода, я наконец понял, кого она мне напоминает: охотницу на джедаев, вторую сестру из имперской инквизиции. Только без шлема и светового меча, но в остальном очень похоже: обтягивающая черная униформа с красной окантовкой воротника и наплечниками легкой брони, смуглая кожа, черные прямые волосы чуть ниже чем до плеч. Выбивались из образа только желтые глаза с вертикальными зрачками – глядя в которые, я почему-то вспомнил, что мне ведь еще надо утвердить повседневную и парадную форму своего наемного отряда. А также гимн, день, размер премиальных и штатное расписание... Может, Фридмана озадачить? Хотя нет, это все же лучше самому сделать.

– В больницу, – только и произнес я, обращаясь к водителю. Переспрашивать или уточнять он ничего не стал, и машина мягко тронулась с места.

Въезд на территорию больницы автомобилям личного транспорта был запрещен. Но не для автомобилей аристо – подумал я, когда ворота распахнулись сразу, стоило лишь нам подъехать ближе. Когда машина медленно катила по больничному парку, соблюдая ограничение скорости, я заметил загнанные в заросли кустов несколько бронеавтомобилей. Напоминали они нечто среднее между российским Выстрелом и американским Хамви. Приглядевшись, на двери одной из машин я заметил прямой крест ахтырцев. Даже угадывать не надо, и так понятно, зачем они здесь.

Пока я выглядывал сквозь листву удаляющиеся бронеавтомобили, машина уже подъехала прямо к главному входу. В холле у самых дверей уже ждала одна из администраторов, предупредительно шагнувшая вперед, стоило мне только пройти через автоматические двери.

– Артур Сергеевич, добрый день, – приветствовала меня девушка. В глазу ее я заметил стальной блеск от линзы дополненной реальности.

– Приветствую, – степенно кивнул я, удержавшись от привычного «здрассте». Это дома можно лишь на работе сохранять серьезность, а в быту и в городе вести себя как душе угодно. Здесь же титул и положение у всех на виду, поэтому вольности в общении непозволительны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.